

КАЛЕНДАРЬ

ДЕКАБРЬ 2020

Употреби труд, храни мерность — богат будеши;
воздержно пей, мало яждь — здрав будеши;
твори благо, бегай злаго — спасен будеши.

Из духовного завещания свт. Митрофана Воронежского

ХРАМЫ: БЛАГОВЕЩЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ • СЯТИТЕЛЯ МИТРОФАНА ВОРОНЕЖСКОГО • ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ • СЯЩЕННОМУЧЕНИКА ВЛАДИМИРА МЕДВЕДЮКА • СЯЩЕГО МУЧЕНИКА ВОНИФАТИЯ • СЯЩЕННОМУЧЕНИКА ИОАННА АРТОБОЛЕВСКОГО • ТРОИЦЫ ЖИВОНАЧАЛЬНОЙ • УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ • ПРЕПОДОБНОГО АНДРЕЯ РУБЛЕВА

*Праздники храма
святителя Митрофана
Воронежского —
3 декабря память
священномученика
Владимира Медведюка,
6 декабря память
святителя Митрофана*

- 1 Священномученик Иларион (Троицкий), архиепископ Верейский
- 15 Борис Ширяев.
Из книги «Неугасимая лампада»
- 19 С.И. Фудель.
Записки о литургии и Церкви
- 23 О.С. Трофимова. Родословная преподобномученицы Елизаветы
- 27 Священник Андрей Щекачев.
Прощальный подарок отца.
Мышкинцы в Карелии
- 29 Памяти отца Дмитрия.
М. Смирнов, Н.В. Сидорина, Л.А. Фролова
- 37 Протоиерей Дмитрий Смирнов.
Проповедь
- 39 Из батюшкиных проповедей
- 41 Воспоминания об отце
Александре Федорове. Протоиерей
Александр Шестак, Е. Луцышина
- 42 Информация. Объявления
- 44 Расписание богослужений

4 декабря
Введение во храм Пресвятой Богородицы

27 сентября. Воздвижение Креста Господня. После литургии матушку Веру Розанову, супругу диакона Виктора и мать шестерых детей, наградили Патриаршим знаком «Материнство».

4 октября в Благовещенском храме совершен молебен на начало занятий в воскресной школе.

5 октября трагически погибла наша 17-летняя прихожанка Дарья Архипова.

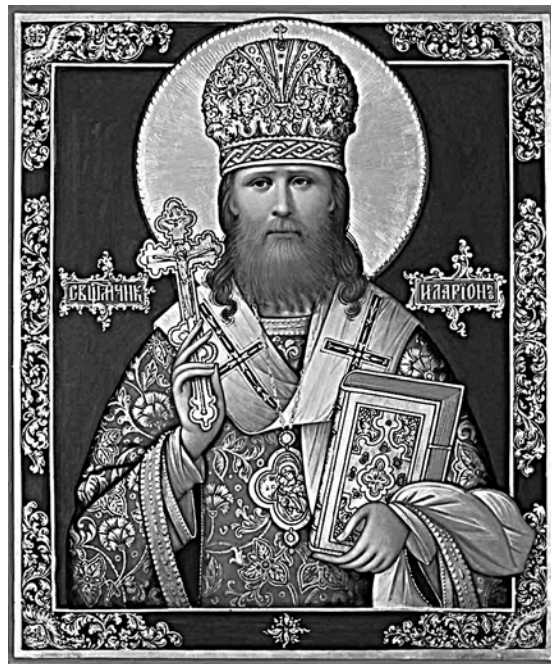
11 октября о. Федор провел очередную встречу «Родительского клуба».

21 октября скончался постоянный прихожанин Митрофаниевского храма Николай Антонович Головин. Последние годы он практически каждый день бывал на службе и причащался. Многим памятен его орден Красной Звезды и его неизменная приветливость.

29 октября, на девятый день со дня кончины о. Димитрия, владыка Парамон возглавил литургию в Благовещенском храме и совершил панихиду на его могиле, ему сослужило духовенство прихода. В тот же день несколькими часами позже панихиду на могиле батюшки совершил владыка Пантелеимон.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИЛАРИОН (ТРОИЦКИЙ), АРХИЕПИСКОП ВЕРЕЙСКИЙ

Выдающийся иерарх, богослов, церковный писатель и оратор архиепископ Иларион (в миру Владимир Алексеевич Троицкий) родился 13 сентября 1886 г. в селе Липицы Каширского уезда Тульской губернии в семье священника Алексия Троицкого. Дед будущего святителя, о. Петр Троицкий, служил в том же селе и пользовался великим авторитетом и любовью прихожан.

Кроме Владимира в семье было еще четверо детей: Дмитрий, Алексей, Ольга и София. Все три сына стали священнослужителями, борцами с обновленческим расколом и исповедниками. Дмитрий, впоследствии архиепископ Брянский Даниил, еще молодым скончался от тифа: случилось подорванное в северной ссылке здоровье. О дне своей кончины он был извещен явлением Ангелов. Алексей, священник, расстрелян на Бутовском полигоне.

После смерти матери заботу о детях взяла на себя ее сестра, учительница церковно-приходской школы. Рано освоив грамоту, маленький Володя читал в храме часы и шестопсалмие. «Буди имя Господне благословенно и за то, что не имел я изнеженного воспитания в детстве своем, вырастая среди лугов, полей и лесов моей Родины в любезной простоте трудового быта... Благодарю Бога, от дней детства отверзшего мой ум, вложившего в него жажду знания и проведшего меня не через иную какую школу, но через школу духовную», — писал он впоследствии.

В возрасте пяти лет Володя взял за руку трехлетнего братишку и, прихватив букварь, пошел на уче-

*Священник Алексий Троицкий с детьми.
Владимир крайний слева*

бу в Москву. Обнаружив исчезновение детей, отец помчался на поиски и через несколько часов их нагнал. На его упреки Володя серьезно ответил: «А как же Ломоносов? Ведь он пешком пошел в Москву — и я тоже решил идти учиться».

Первоначальное образование будущий святитель получил в Тульском духовном училище, а затем семинарии и в 1906 г. для продолжения образования был послан на казенный счет в Московскую Духовную академию. В то время «чад и угар революционный, проникший и за стены академии, только что начал рассеиваться, но не исчез еще окончательно», и Влади-

Владимир Троицкий, студент
Московской Духовной академии

мир Алексеевич с горечью видел «позор академии, променявшей светлые ризы чистой и трезвой науки на яркие, но грязные разноцветные лохмотья уличной политики».

В слове на 95-ю годовщину академии он, тогда студент IV курса МДА, сказал: «С гордостью часто говорит наш современник: *богат есмь и обогатихся и ни в чем не имею нужды*; но не знает он того, что он *несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг*. И все это потому, что вера Христова перестала быть жизнью, что не единому Богу поклоняются люди, а натворили себе несчетное множество кумиров, кумиров бездушных, которые не могут одухотворить жизнь и сделать ее содержательной...

Многие ожесточились, злословя единственный путь Христов, путь церковный. Создаются «новые пути» с именем Христовым, но без Церкви, «около стен церковных». Эти новые пути оказываются очень удобными именно для того, чтобы сохранить имя Христова, а кланяться своим любезным идолам. Поэтому и привлекательны все эти новые пути. Они легки и потворствуют страстям...

Что такое богословие? Оно для многих есть только знание богословских истин, но не знание Бога. Знание же Бога есть наука опытная. Только чистые сердцем Бога узрят, и потому истинное богословие должно быть благочестием, и только тогда принесет оно плод по роду своему».

В 1910 г. Владимир Алексеевич закончил академию со степенью кандидата богословия и был оставлен при ней преподавателем. Студенты восторженно относились к лекциям молодого профессора. «Он не мог спокойно повествовать... — вспоминает Сергей Волков, — а должен был гореть, зажигать своих слушателей, спорить, полемизировать, доказывать и опровергать... Он никогда не был только теоретиком: он был человеком дела, всегда соединявшим теорию с практикой... Высокий и стройный, с очень умеренной и пропорциональной полнотой, с ясным и прекрасным

Московская Духовная академия

взглядом голубых глаз (он был немного близорук, но никогда не пользовался очками), всегда смотревший уверенно и прямо, с высоким лбом и... небольшой окладистой русой бородой, звучным голосом и отчетливым произношением, он производил обаятельное впечатление. Им нельзя было не любоваться». У него был «сильный облик чисто русского человека, прямо-таки богатыря, одухотворенного глубоким интеллектом и чистой, благородной душой».

«...Целостность... была главной чертой его личности. Этот смелый, исключительно талантливый человек все воспринимал творчески». Он «благодатно влиял на меня самой своей личностью — прямоотой, властностью в отстаивании убеждений, восторженностью совершаемого им богослужения, сильной, покоряющей речью и, наконец, бодростью, энергией и жизнерадостностью». «У него самого была поразительная восторженность и любовь ко всему, что ему было дорого и близко, — к Церкви, к России, к академии, и этой бодростью он заражал, ободрял и укреплял окружающих», — писали современники.

В 1912/13 учебном году магистерское сочинение молодого богослова стало лучшим, и ему была присуждена премия митрополита Московского Макария. Рецензент профессор М.Д. Муретов отметил: «Такие книги, как книга господина Троицкого, не часто являются на Руси. Появление их есть праздник богословской науки... Если бы от меня зависело, я без всяких колебаний признал бы диссертацию Троицкого вполне достойной не только магистерской, но и докторской степени».

Еще будучи студентом, а затем преподавателем, Владимир Алексеевич опубликовал свои работы «Христианство или Церковь», «Гностицизм и Церковь в отношении к Новому Завету», «О церковности духовной школы и богословской науки», «О необходимости историко-догматической апологии девятого члена Символа веры», «Триединство Божества и единство человечества», «Покаяние в Церкви и покаяние в католичестве» и другие.

В 1913 г. в Параклитовой пустыни Троице-Сергиевой Лавры Владимир Троицкий принял монашеский постриг с именем Иларион. Популярность его была столь велика, что на постриг приехали многие преподаватели академии и студенты. Перед принятием монашества он писал родственникам: «Простите меня, дорогие мои, за все мои преступления против вас, ведомые и неведомые. Земно кланяюсь вам и прошу забыть все злое мое... Иду в путь свой светло и с радостью. Теперь уже томлюсь — скорее бы загородиться от преследующего меня по пятам мира черными одеждами. Прошу вас всех не отвращаться от меня и впредь своею любовью. Простите!» И через месяц: «Итак, вот уже почти месяц как я монах. Много пережито, много перечувствовано. Будто какая высокая волна подняла меня, да и до сих пор еще не отпустила. 28 марта в Параклите состоялся мой постриг. Что я пережил, не умею рассказать, но после почувствовал себя помолодевшим, совсем мальчиком. В духовной радости пробыл пять дней в храме. Вернулся в академию, но еще до сих пор не вернулся к своим прежним делам. Началась Страстная, Пасха... Все это в нынешнем году для меня было особенное. В Великий Четверг впервые прошел царскими воротами — посвящен в сан иеродиакона и начал ежедневную почти службу, которая каждый раз доставляет мне великое утешение. В прошедшие дни моего монашества я переживал преимущественно чувство радости и душевного мира.

Что я теперь духовный, это меня почти не удивляет: как будто так и следовало, даже странным стал казаться прежний светский вид. К новому имени привык, хотя и мирское еще не забыто. И так в радости встречал я Светлый праздник — «от смерти бо к жизни Христос Бог мя приведе».

Параклитова пустынь Троице-Сергиевой Лавры

Вместе с куцыми одеждами сброшено что-то такое, что тяготило, беспокоило; стало легче, покойнее. Говорят опытные люди, что это всегда новонаначальному монаху подается вкусить душевного мира, чтобы он знал, ради чего должен он подвизаться при всех будущих искушениях.

...Интересно, конечно, как вы рассуждаете обо мне теперь: «Пропал человек неизвестно из-за чего», «Что сделал с собой?» Эх, мир, мир!.. А стоит только сознаться: «ведь не одна же форма жизни должна быть для всех». Я избрал ту, которая мне казалась, а теперь и оказалась наиболее подходящей. Не жалейте, а сорадуйтесь, потому что я теперь радуюсь. А что значит Иларион? Веселый».

Вскоре о. Иларион был назначен инспектором МДА, а еще через несколько дней рукоположен в иеромонаха. Еще во времена студенчества и магистратуры он заведовал издательским отделом Пастырско-просветительского братства при МДА, занимался изданием и распространением листовок духовно-нравственного содержания для народа, участвовал в студенческой опеке школы-приюта для детей. Теперь для него начался пятилетний период инспекторства в МДА, полный трудов и забот: подготовка и чтение лекций, рецензирование учебных и научных сочинений, участие в заседаниях Совета академии, различных академических актах и мероприятиях, публикация статей в церковных журналах.

Архимандрит Иларион,
инспектор
Московской Духовной академии

Из письма родным: «Сейчас чувствую больше всего одно: совершенно выбит из колеи, разрушены до основания мои планы и намерения касательно ближайшего будущего, а оно у меня намечено было на целые годы. Настроение подавленное. Дел целая куча, в квартире базар, человек пятьдесят в день перебивает. Письма, телеграммы... Отвечать нужно, а иногда едва одно письмо за день написать ухитришься. Да и не скоро войдешь в новую колею. Летом, по крайней мере июль весь, придется сидеть в академии: буду я в своей особе совмещать и ректора, и инспектора, и помощника инспектора... Роптать не ропщу, потому что монах — церковная вещь. Личной жизни у него нет — один. Куда поставят — берись и работай. Три года уж каникул у меня не было, на нынешние было рассчитывал, но вышло не по-моему. Слава Богу за все!»

В том же 1913 г. о. Иларион был возведен в сан архимандрита и стал самым молодым архимандритом и профессором академии. Совершение литургии стало отныне центром его жизни. «Величественно и красиво Иларион совершал богослужение. Было нечто возвышенное, легкое и прекрасное в его чтении Евангелия, произнесении возгласов и молитв звучным и раскатистым голосом, властно заполнявшим все пространство обширного академического храма. Столь же звучно раздавался он и в Успенском соборе нашей Лавры, и в храме Христа Спасителя в Москве. В его служении замечалась некая восторженность, вполне искренняя, чуждая малейшей театральности... Он отдавался богослужению всей душой, всем существом своим как главному делу своей жизни» (С. Волков).

Через год после пострига, подводя вкратце итог прожитому, о. Иларион писал: «Хорошая вещь монашество, но оно прошло мимо меня почти мельком. Беда моя вся в том, что у меня нет одиночества, а без одиночества мне жить трудно: теряется покой. Уж это хуже чего нет, если беспокойство и огорчение гонятся даже в твое жилище... В науке застой... грехов

всяких чуть разве поменьше прежнего, а душевного покоя совсем незаметно. В этом не монашество виновато, а инспекторство мое. Инспектор я плохой...»

В начале Первой мировой войны на молебствии в Сергиевом Посаде архимандрит Иларион сказал: «Пробил грозный час суда над Русской землей. За последние десять лет мы все немало грешили. Мы, русские люди, допустили в нашей родной земле распространиться неверию. У нас небывалое прежде развращение нравов. Мы, русские люди, грешны пред нашей славной историей. Мы грешны пред памятью и заветами наших предков. Мы грешны пред нашими родными святынями. Стали мы терять страх Божий. Разучились любить Царя и Родину. Мы привыкли поносить и хулить все свое и родное, хвалить и превозносить все чужое. Пришел час искупить пред Богом наши народные вины, наши народные грехи...»

В 1917–1918 гг. архимандрит Иларион участвовал в Поместном Соборе Русской Православной Церкви как активнейший сторонник избрания патриарха. Узнав, что в академии высказываются против патриаршества, он срочно поехал в Лавру и прочел лекцию «Нужно ли восстановление патриаршества в Русской Церкви?». «Теперь наступит такое время, — пророчески сказал он, — что венец патриарший будет венцом не царским, а скорее венцом мученика и исповедника, которому предстоит самоотверженно руководить кораблем Церкви в его плавании по бурным волнам моря житейского».

«На лекцию собралось большинство профессуры и все студенты, продолжалась она около трех часов. Конечно, она была прочитана так блестяще, как это мог сделать только Иларион: восстановление патриаршества в России было его заветным желанием, как бы смыслом его жизни, которому он отдавал все свои силы», — вспоминал С. Волков.

После избрания Патриарха Тихона о. Иларион стал одним из его ближайших помощников. В марте 1919 г. без каких-либо серьезных обвинений он почти на три месяца был заключен в Бутырскую тюрьму. Из тюрьмы писал: «Живу я по-прежнему хорошо: совсем здесь обжился, будто так и нужно. Здесь я даже поправился, потолстел, физически чувствую себя совсем хорошо. Чтобы усилить циркуляцию крови — начал я ходить на работу, например выкачивать воду из тюремных подвалов. Хорошо, что несколько часов проведешь на воздухе и немного мускулы разовьешь. За работу еще фунт хлеба прибавляют. Питаюсь по настоящему времени прекрасно. Время идет незаметно; даже досадно, что, например, книги медленно читаются. Жизнь идет размеренная, правильная. Будь все это где-нибудь в хорошей местности, прямо санаторий...»

Сейчас в камере собралось у нас три профессора. Читаем время от времени лекции; прошли курс стенографии. Прямо считаю нужным сказать, что эти два месяца прожил я и не без пользы, и даже интереснее, чем жил бы вне тюрьмы».

24 мая 1920 г. Патриарх Тихон совершил хиротонию архимандрита Илариона во епископа Верейского, викария Московской епархии. При своем наречении он сказал: «Привыкнув к прежнему своему служению и всей душой его полюбив, я боялся архиерейства и всегда немало говорил против своего епископства. А ныне стою перед вами, архипастыри,

*Заседание Поместного Собора
Русской Православной Церкви. 1917 г.*

приняв звание ваше, и нимало вопреки глаголю, ибо тверда моя надежда на Господа. Вижу ныне ясно, что велика нужда в делателях на ниве Божией. Знаю теперь твердо, что воля Божия управляет Церковью и не без Божией воли поставляются в Церковь епископы. Слышу пророческое увещание: *благо есть мужу, егда возмет ярем в юности своей*, и склоняю выю свою под омофор епископа. Господь милосердый да примет душу мою, сию малую лепту, вметаемую в сокровищницу Церкви для употребления на общую пользу. Воля Господня да будет.

Но исповедую и то, что ныне смущает бедную душу мою. Был я грешным мирянином, стал грешным монахом, сделался грешным иереем, но

быть грешным архиереем — трепещу. Прошу вас и молю, святители Божии, непрестанно о мне молитесь Христу Богу, да сподобит Он меня причаститься благодати архиерейства не в суд или во осуждение, да возгревает сия Божественная благодать угли огненное в совести моей, попаляя терние всех моих прегрешений в прочее время жизни моей, и да не низведен буду по грехам моим на место мучения, когда окончу поприще сей временной жизни земной».

Владыка был поставлен настоятелем Сретенского монастыря. О богослужениях в обители Великим постом 1921 г. пишет Н.П. Окунев в «Дневнике москвича»: «Привлекал туда епископ Иларион, не своим пышным архиерейским служением, а участием в службах в качестве рядового монаха... Ну! Я вам скажу, и пел же он! Голос у него приятнейший, чистый, звучный, молодой (ему 35 лет), высокий. Тенор. Пел попросту,

не по нотам, но так трогательно и задушевно, что я, пожалуй, и не слышал за всю свою жизнь такого чудесного исполнения».

Владыка служил почти ежедневно, утром и вечером, посещал со службами храмы и монастыри Верейского уезда, и такие поездки длились иногда по месяцу. Если выдавался свободный от богослужений день, с утра до позднего вечера принимал посетителей. За год своего служения совершил сто сорок две литургии, более ста сорока всенощных и произнес триста тридцать проповедей, это при том, что два месяца проболел тифом и болезнь вызвала осложнение на сердце, которое при всяком переутомлении давало о себе знать.

Своим близким епископ Иларион писал: «Совсем потерял свободу. Будто арестант, прикованный к своей тачке, — так и живу. Не только дней нет свободных, нет и часа свободного, когда мог бы я заняться тем, чем хочется, а не тем, что нужно к спеху. Уж хоть бы в Бутырку на отдых взяли. Это единственная доступная нам дача или санаторий. Не знаю, как-то сил еще хватает, хотя нередко и силы падают, и дух оскудевает». «Лето все прошло в непрерывных разъездах по Москве и по Московской губернии. Ведь и по Москве бывают концы больше десяти верст. Времени совсем не хватает, и все спешись. Нередко и устаешь. Хорошо еще, что уставши скоро я отхожу — видно, еще молод.

А за последний месяц опять осложнение жизни: снова арестовали пресвященного Петра, и опять за его стол сел принимать людей... Нет у меня ни утра, ни вечера... некогда читать, некогда писать, некогда... даже грешить. Ради третьего, может быть, Господь и устраивает мне такую жизнь».

*Сретенский монастырь.
Конец XIX — начало XX в.*

В сентябре 1921 г. владыка был арестован за то, что добился разрешения Третьяковской галереи перенести Владимирскую икону Божией Матери на престольный праздник Сретенского монастыря. В марте 1922 г. последовал новый арест и годичная ссылка в Архангельск.

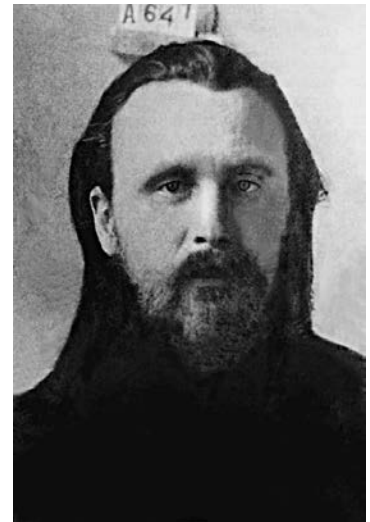
Из писем того времени: «После довольно тягостной, изморенной жизни в течение трех с половиной месяцев в Москве попал я на крайний довольно неприветливый Север. В этом событии жизни своей вижу явную милость Божию, потому что не знаю, что могло бы случиться, если бы я остался в Москве. Бездна сумасшествия еще, по-видимому, исчерпана не до дна. Со дна поднялись самые густые остатки грязи... Еще не все для себя выяснил, не все мне известно, но уже вижу много глупости и низости, лжи и неправды. А для меня пока начинается время, которого напрасно я дожидался за последнее время. Маленькая комнатка (шесть на три аршина), книжки и свободное время. Господь помог и здесь устроиться, так что можно жить без назойливых забот, а убожество обстановки несколько не огорчает мою пролетарскую душу...»

«Я думаю, что в моей личной жизни настоящее мое положение только начало болезни, вероятно, немало лет пройдет в заключениях, в скитаниях повсюду, в нужде и лишениях. Но, зная церковную историю, несколько не смущаюсь, избираю *страдать с людьми Божиими* лучше, нежели называться *сыном дочери фараоновой*...»

«Я могу быть равнодушен к моей собственной судьбе и жизни, но дело Церкви мне всегда будет дорого и близко. Сейчас вижу только одно: сатана работает без передышки и завертел иных даже разумных людей. Правда, среди новых «деятелей» подавляющее большинство авантюристов и аферистов, от этих нечего и ждать кроме глупостей, безобразия и озорства. Но прискорбно, что иные, кого считал порядочными, по каким-то соображениям взбесились».

«Трудная и даже изнурительная жизнь, которую по воле Божией я вел последние пять лет, имела следствием для моей личной жизни успокоение страстей если и не полное, то весьма значительное... Я очень доволен и рад тому, что живу здесь, главное — свободное время и книги... Вести о московской смуте доходят, и удивляюсь я низости человеческой и трусости крайней, за свое благополучие готовы всё подписать, чему и не сочувствуют. Значит, никаких убеждений нет у людей. Я же надеюсь к грехам своим не прибавить еще отступничество, хотя бы и пришлось еще много путешествовать...»

«Меня совершенно не интересует моя личная судьба, потому что внешнее положение для меня не составляет ничего важного... Но я не могу не страдать и не говорить горячо, видя и понимая страдания Русской Церкви. Смута, произведенная негодяями... на чем держится? Она держится только на том, что сейчас преступно отменена свобода совести и уничтожено отделение Церкви от государства, установленные в основных законах... Есть люди, которых ссылают в дальние края именно как православных иереев, очищая место разным прохвостам. Это бессовестное издевательство над государственными законами людей, ослепленных своей глупой и тупой враждой к Православной Церкви, меня возмущает до глубины души... Печальные мысли о церковных делах часто нарушают мой покой. Так что у меня за последнее время какой-то невроз, во сне все ругаюсь с самозванцами и отступниками, редкую ночь не вижу их во сне. Иногда даже за чтением внимание отвлекается от книги. Но благодарю Бога за все. Как у меня тихо, например, сейчас, поздно вечером, и целые дни свободен. Служу только два-три раза в месяц, больше нельзя по раз-

В тюрьме. 1923 г.

ным причинам, потому что нет свободы совести, то есть вероисповедания. Живу я очень скромно и убого, но душа моя насыщается за обильной трапезой книг по русской церковной истории».

21 июня 1923 г. владыка Иларион узнал, что ему разрешено уехать. 5 июля он уже был в Москве и в тот же день совершил всенощную в Сретенском монастыре, где до этого служили обновленцы. Перед началом богослужения он совершил беспрецедентное деяние: заново великим чином освятил престол и собор обители, призвав духовенство монастыря принести покаяние в обновленчестве и противлении Патриарху, причем заявил, что непокаявшихся не допустит до службы и не разрешит им входить в алтарь. (Молва об этом сразу разнеслась не только по Москве, но и по всей

России. Обновленцы целыми приходами и общинами калялись и возвращались в Церковь.)

На следующий день в Сретенском монастыре служил Патриарх. Храм не мог вместить всех, многие стояли в монастырской ограде. В проповеди владыка говорил о современной церковной жизни, об обновленчестве и самозванцах-епископах. Впечатление от его слов было огромное, люди плакали, выкрикивали, что признают только Патриарха Тихона. Служба, начавшаяся утром, закончилась в шесть часов вечера.

Участник обновленческого раскола А. Краснов-Левитин писал: «Трудно было придумать для Патриарха Тихона лучшего помощника, чем епископ Иларион. Великолепный, пламенный проповедник, умевший говорить просто и эмоционально, ревностный служитель алтаря, владыка Иларион пользовался огромной популярностью среди московского духовенства и буквально обожанием народа. Самая внешность: богатырский рост, бело-

курая борода, иконописные тонкие черты лица — импонировали своей величавостью, строгим изяществом, своеобразной картинностью. «Вот настоящий русский святитель» — невольно приходила мысль каждому, кто видел Илариона...

Он в эти дни переговорил с сотнями священников, мирян, монахов и монахинь, договорился с приходами о чине их присоединения к Патриарху, разработал чин покаяния, принял тут же десятки обновленцев, пришедших к Патриарху с покаянием. Благодаря неукротимой энергии этого человека церковная организация в Москве была восстановлена в два дня».

Вскоре Патриарх возвел владыку Илариона в сан архиепископа. 15 ноября 1923 г. за успешные диспуты с обновленцами, в том числе их лидером Введенским и наркомом просвещения Луначарским, его снова арестовали. Просьба Патриарха об освобождении ближайшего помощника была отклонена, и владыку приговорили к трем годам Соловков.

9 декабря он писал: «Живу я доселе в полном благополучии и благодушии. Соловки мне очень понравились,

Соловецкий лагерь особого назначения

и я не вижу особой тяготы здесь жить. Никак я не думал, что так хорошо буду себя чувствовать в соловецкой ссылке. Моя московская жизнь была несравненно тяжелее, там я был занят все время и страшно трепал свое здоровье и свои нервы. Здесь я на покое. Такова, видно, Божья воля, чтобы мне работать пока здесь, а не служить Святой Церкви...»

Свое заключение он воспринимал как суровую школу нестяжания, кротости, смирения, воздержания, терпения и трудолюбия. С легкостью отдавал все, что у него просили, ни на какие оскорбления никогда не отвечал, казалось, даже не замечал их. Его было нельзя опечалить ничем, и это его настроение поднимало дух окружающих. Владыка всегда был спокоен и бодр духом, шутил. Трудясь с двумя епископами и несколькими священниками на Филимоновой рыболовной, добродушно говорил: «Все подает Дух Святой: прежде рыба-ри богословцы показа, а теперь наоборот — богословцы рыба-ри показа».

Владыка ко всем относился с подлинной любовью и пониманием. В каждом человеке видел образ и подобие Божие, жизнью каждого искренне интересовался, часами мог говорить и с офицером, и со студентом, и с профессором, и с каким-нибудь вором, которого с любопытством расспрашивал о его «деле» и жизни.

В этом не было ничего показного, и люди отвечали ему искренним уважением и любовью. Его простота скрашивала и смягчала недостатки собеседников.

Из воспоминаний: «Он доступен был всем... с ним легко всем. Самая простая внешность — вот что такое был владыка. Но за этой заурядной формой веселости можно было постепенно усмотреть детскую чистоту, великую духовную опытность, доброту и милосердие, это сладостное безразличие к материальным благам, истинную веру, подлинное благочестие, высокое нравственное совершенство. Его обыкновенный вид скрывал от людей внутреннее делание и спасал его самого от лицемерия и тщеславия. Он был решительным врагом всякого лицемерия и показного благочестия. Каждого прибывавшего в Соловецкий лагерь священника владыка подробно расспрашивал обо всех предшествовавших заключению обстоятельствах.

— За что же вас арестовали? — спросил владыка прибывшего в лагерь игумена одного из монастырей.

— Да служил молебны у себя на дому, когда монастырь закрыли, — ответил тот, — ну, собирался народ, и даже бывали исцеления...

— Ах вот как, даже исцеления бывали... Сколько же вам дали Соловков?

— Три года.

— Ну, это мало, за исцеления надо бы дать больше, советская власть недосмотрела...»

Протопресвитер Михаил Польский, отбывавший срок на Соловках, писал: «Архиепископ Иларион —

На Соловках

На Соловках

человек молодой, жизнерадостный, всесторонне образованный, прекрасный церковный проповедник, оратор и певец, блестящий полемист с безбожниками, всегда естественный, искренний, открытый; везде, где он ни появлялся, всех привлекал к себе и пользовался всеобщей любовью».

Вместе с другими заключенными архиепископ Иларион участвовал в составлении «Памятной записки соловецких епископов», которая должна была определить положение Православной Церкви в новых исторических условиях, ее взаимоотношения с государством.

Желая придать обновленчеству авторитет в глазах верующих, власти попытались привлечь владыку в раскол. 5 июля 1925 г. он был доставлен в Ярославский политический изолятор. Ему предоставили отдельную камеру, возможность заниматься научной работой, вести деловую переписку и получать любые книги с воли.

Из письма: «Ты спрашиваешь, когда же кончатся мои мучения? Я отвечаю так: мучений я не признаю и не мучаюсь. При моем «стаже» меня ведь тюрьмой не удивишь и не испугаешь. Я уже привык не сидеть в тюрьме, а жить в тюрьме, как ты живешь в своей квартире. Конечно, нелепо в моей жизни и было и есть немало, но нелепое для меня более смешно, чем мучительно. Зато есть у меня преимущества в моей жизни, из-за которых я согласен терпеть и разные нелепости... В самом деле. Имею здесь отдельную келию с достаточным освещением, с почти достаточным отоплением — и все это бесплатно. Нужно тратить только несколько рублей в месяц, чтобы пансион был достаточным — конечно, для такого безразличного к этим делам человека, как я. Но главное... самое милое то, что я могу без помехи отдаться своей первой и постоянной любви — науке, с которой жизнь было меня совсем разлучила... Меня ничто и никто не отвлекает. Кроме двух часовых прогулок в день да нескольких минут на обед или чай — остальное время я провожу за книгами. Я себе задал громадную тему, которую разве только в десяток лет можно разработать... Почти каждый месяц получаю от друзей из Москвы по ящику книг и каждый месяц их возвращаю, сделав нужные выписки. Это только при моем теперешнем положении можно брать за чтение собраний сочинений в тысячи и даже десятки тысяч страниц. Не один десяток тысяч страниц я уже и проштудировал. Иные книги десяток лет лежали у меня, и все некогда было прочитать. Еще бы, если книга тысяча — тысяча двести страниц немецкого текста! А тут и до этих книг очередь дошла.

Словом, у меня настроение и духовное содержание жизни такое же, как было пятнадцать лет назад. Не хватает одного — академической библиотеки! Будь академическая библиотека, я бы попросил здесь приюта не до конца этого года, а по крайней мере до конца этого десятилетия. Что же поделаешь, если место для науки, интересной и важной для меня, только в тюрьме? Я тут не виноват ни в чем.

Ведь вот как устраивает Господь (через ОГПУ) жизнь мою: живу без нужды и без забот вот уже четыре года. Только и думаешь, какие и как книги достать. И это по моим указаниям добрые люди успешно исполняют. Вот и сегодня повестку получил: целый пуд книг пришел, а вон у стены стоит ящик с прочитанными, приготовленными к отправке. Вот и все мои заботы! А беззаботность — это для меня самое милое дело!

Всех поцелуй и всем Расскажи, как я нашел свою судьбу в тюрьме».

Тучков дважды безрезультатно встречался с архиепископом Иларионом, и 26 февраля 1926 г. владыку перевели в общую камеру тюрьмы в Коровниках. В марте он писал: «Есть здесь и плюсы и минусы. Плюсы: более свободная жизнь, неограниченная переписка... Минусы: я потерял свое милое одиночество, а вместе с ним и возможность заниматься так, как занимался раньше. Днем-то у нас еще хорошо: в огромной камере всего шесть человек остается и можно немного почитать и пописать, но вечером собирается целых двадцать человек, и тогда открывается такой ди-

вертисмент, что просто беда. Камера, куда меня поселили, считается лучшей, в ней больше «интеллигенция», но увы! — теперь и интеллигенция мало отличается от дикарей по своим нравам.

...Что-то еще неожиданного преподнесет мне время? Некоторые основания ждать нового у меня есть, но будет ли это все к добру — не знаю. Вообще у меня образовалась уже привычка к такой ненормальной и нелепой жизни. Как я тебе, помнишь, писал, я не сижу, а живу в тюрьме.

Владыку вновь отправили на Соловки. Пасху он встретил в пересыльном лагере на Поповом острове.

Из воспоминаний о Павла Чехранова: «Кругом лес, колючая проволока, на высоких столбах будки... Людей нагнали в пункт видимо-невидимо. Вследствие весенней распутицы лесные разработки закончились. И более тысячи человек возвращались обратно в лагерь. А весь лагерь рассчитан на восемьсот человек. Клуб закрылся и переделан под жилое помещение с нарами. В прочих бараках проходы застроены нарами, двойные нары переделаны в тройные — в три этажа. Даже в привилегированном канцелярском бараке теперь двойные нары, и вместо шестидесяти человек стало сто двадцать. Кипятку сплошь и рядом не отпускалось, так как котлы занимались под обед и ужин.

Приближалась Пасха. И как хотелось, хотя и в такой обстановке, совершить службу. «Как это так, — думал я, — даже и сейчас, когда просунуться поговорить через толпу затруднительно, как не пропеть «Христос воскрес!» в пасхальную ночь?..» И я решил подготовить свою братию. Повел разговоры с благодушнейшим епископом Нектарием (Трезвинским), епископом Митрофаном (Гриневым), епископом Рафаилом (Гумилевским) и епископом Гавриилом (Абалымовым). Последний и не подозревал, какая ему писанка готовится. Из прочей братии были оповещены отец Филумен и постоянный компаньон владыки Илариона (Троицкого) шахматист отец Аркадий Маракулин.

Однако только архиепископ Иларион и епископ Нектарий согласились на пасхальную службу в незаконченной пекарне, где только одни просветы были прорублены, ни дверей, ни окон. Остальные порешили совершить службу в своем бараке, на третьей полке, под самым потолком, по соседству с помещением ротного начальства. Но я решился вне барака пропеть пасхальную службу, дабы хотя бы в эти минуты не слышать сквернословия.

Сговорились. Настала Великая Суббота. Арестантский двор и бараки, как бочки с сельдью, были наполнены прибывшими с лесозаготовок. Но нас постигло новое испытание. Последовало распоряжение коменданта ротным командирам не допускать и намеков на церковную службу и с восьми часов вечера не впускать никого из других рот. С печалью сообщили мне епископы Митрофан и Гавриил это известие. Однако я своему «причту» настаивал: «Всё же попытаемся в пекарне устроить службу». Епископ Нектарий сразу согласился, а архиепископ Иларион нехотя, но все же попросил разбудить в двенадцать часов.

В начале двенадцатого я отправился в барак, где помещался владыка Нектарий. Двери были настежь открыты, и мне, быстро вошедшему, преградил дорогу дневальный: «Не велено пускать никого из других рот». Я остановился в нерешительности. Однако владыка Нектарий был наготове. «Сейчас, сейчас», — сказал он мне.

Я отправился к владыке Илариону. Войдя стремительно в барак, я направился мимо дневального, который оказался несколько знакомым и расположенным ко мне: «Пожалуйста, поскорее делайте и уходите. Не приказано...» Я кивнул ему головой, подошел к владыке Илариону, который, растянувшись во весь свой великий рост, спал. Толкнул его в сапог, владыка приподнялся. «Пора», — сказал я ему шепотом.

Весь барак спал. Я вышел. На линейке меня ожидал владыка Нектарий. Вскоре к нам присоединился владыка Иларион, и мы гуськом тихо напра-

вились к задней стороне барачков. За дорогой стоял остов недоконченной пекарни с отверстиями для окон и дверей. Мы прошмыгнули к нему поодиночке. Оказавшись внутри здания, выбрали стену, более укрывавшую нас от взора проходящих по дорожке, и плотнее прижались к ней; слева — владыка Нектарий, посредине — владыка Иларион, а я — справа.

— Начинайте, — проговорил владыка Нектарий.

— Утреню? — спросил владыка Иларион.

— Нет, всё по порядку, с полунощницы, — ответил владыка Нектарий.

— Благословен Бог наш... — тихо произнес владыка Иларион.

— Волною морскою... — запели мы полунощницу.

И странно, странно отзывались в наших сердцах эти с захватывающим мотивом слова. «...Гонителя, мучителя под землю скрывша...» И вся трагедия преследующего фараона в этой особенной обстановке чувствовалась нашими сердцами как никогда остро. Белое море с белым ледяным покровом, балки для пола, на которых мы стояли как на клиросе, страх быть замеченными надзором. А сердце дышало радостью, что пасхальная служба совершается вопреки строгому приказу коменданта.

Пропели полунощницу. Архиепископ Иларион благословил заутреню. «Да воскреснет Бог и расточатся врази его...» — не сказал, а прошептал, всматриваясь в ночную мглу, владыка Иларион.

Мы запели «Христос воскрес!» Плакать или смеяться от радости, думал я. И так хотелось нажать голосом чудные ирмосы! Но осторожность руководила нами. Закончили утреню. «Христос воскрес!» — сказал владыка Иларион, и мы все трое облобызались...»

На Соловках. 1929 г.

С началом навигации владыку Илариона переправили на Соловки. Из воспоминаний Олега Волкова: «Иногда Георгий уводил меня к архиепископу Илариону, поселенному в Филипповской пустыни, верстах в трех от монастыря. Числился он там сторожем. Георгий уверял, что даже лагерное начальство по неволе относилось с уважением к этому выдающемуся человеку и разрешало ему жить уединенно и в покое.

Преосвященный встречал нас радушно. В простоте его обращения было приятие людей и понимание жизни. Даже любовь к ней. Любовь аскета, почитавшего радости ее ниспосланными свыше.

Мы подошли к его руке, он благословил нас и тут же, как бы стирая всякую грань между архиепископом и мирянами, прихватил за плечи и повлек к столу. И был так непринужден... что

забывалось о его учености и исключительности, выдвинувших его на одно из первых мест среди тогдашних православных иерархов.

Мне были знакомы места под Серпуховом, откуда был родом владыка Иларион. Он загорался, вспоминая юность. Потом неизбежно переходил... к суждениям о церковных делах России.

— Надо верить, что Церковь устоит, — говорил он. — Без этой веры жить нельзя. Пусть сохранятся хоть крошечные, еле светящиеся огоньки — когда-нибудь от них все пойдет вновь. Без Христа люди пожрут друг друга. Это понимал даже Вольтер... Я вот зиму тут прожил, когда и дня не бывает — потемки круглые сутки. Выйдешь на крыльцо — кругом лес, тишина, мрак. Слово конца им нет, словно пусто везде и глухо... Но «чем ночь темней, тем ярче звезды...» Хорошие это строки. А как там дальше, вы должны помнить. Мне, монаху, в пору Писание знать».

В ноябре заканчивался трехлетний срок заключения, и перед концом навигации владыка был отправлен на материк, однако Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило его еще к трем годам Соловков. «На повторительный курс остался», — шутил он.

Судьба Церкви по-прежнему занимала все помыслы владыки. «В ноябре 1927 года некоторые из соловецких епископов начали было колебаться в связи с иосифлянским расколом. Архиепископ Иларион сумел собрать до пятнадцати епископов в келии архимандрита Феофана, где все единодушно постановили сохранять верность Православной Церкви, возглавляемой митрополитом Сергием. «Никакого раскола! — возгласил архиепископ Иларион. — Что бы нам ни стали говорить, будем смотреть на это как на провокацию!» — вспоминал митрополит Мануил (Лемешевский).

Летом 1928 г. владыка писал: «...Всем отделяющимся я до крайней степени не сочувствую. Считаю их дело совершенно неосновательным, вздорным и крайне вредным. Не напрасно каноны 13–15 Двукратного Собора определяют черту, после которой отделение даже похвально, а до этой черты отделение есть церковное преступление. А по условиям текущего момента преступление весьма тяжкое. То или другое административное распоряжение, хотя и явно ошибочное, вовсе не есть *casus belli* (повод к войне). Точно так же и все касающееся внешнего права Церкви (то есть касающееся отношения к государственной политике и подобное) никогда не должно быть предметом раздора. Я ровно ничего не вижу в действиях митрополита Сергия и Синода его, что бы превосходило меру снисхождения или терпения. Ну а возьмите деятельность хотя бы Синода с 1721-го по 1917 год. Там, пожалуй, было больше сомнительного, и однако ведь не отделялись. А теперь будто смысл потеряли, удивительно, ничему не научились за последние годы, а пора бы, давно пора бы... Да, не имеем мы культуры и дисциплины. Это большая беда...»

Из писем: «Пошел новый трехлетний срок, снова пришлось переживать зиму на Соловках. Хотя и вместе с архиереями-друзьями, такими, как архиепископ Херсонский Прокопий (Титов), а все же в неволе. Неволя делала зыбким и непрочным всякое начинание. Ты начал исследование, употребил немало времени и сил для успешного его продвижения, а завтра тебя переводят в другое место, хотя бы и в пределах того же Соловецкого острова, но надзиратели устраивают обыск, и от трудов твоих не остается следа. Работать и что-либо записывать в таких условиях было почти то же, что стараться написать книгу, находясь на корабле во время неумеряющегося шторма. Только то, может быть, и было утешительно, что сходить в праздник Крещения на реку и видеть, как у иордани три оленя остановились и смотрят на это чудо освящения вод».

«Меня хоть никто дедушкой не называет. Однако иной раз случалось, что стариком назовут, и то странно слышать. Меня больно уж борода выдает — поседела, как неведомо что. Однако душа, чувствуется, еще не постарела. Интересы в ней всякие живут и рождаются. Интересы эти приходится удовлетворять чтением, потому что для настоящих занятий нет, понятно, соответствующих условий. Часто является досадливая мысль: вот если бы иметь столько свободы от работ и столько досуга в академической обстановке! Но подосадуешь, подосадуешь, да тем и ограничишься. А раскроешь книгу посерьезней — оказывается, далеко не всегда ее можно читать, внимание рассеивается тем, что окружает и что во все не интересно.

С внешней стороны жизнь моя сравнительно сносная — голоден не бываю, в квартире не мерзну, одеться имею во что (хотя нередко так одет, что и ты бы не узнала), поговорить есть с кем, забот на душе почти никаких. Видишь, сколько преимуществ имею! Но, конечно, долгонько зажил я на Белом море...

Выкинут я стихией на далекий остров. Но сожаления я стараюсь не растравливать в душе моей, на окружающее стараюсь не обращать внимания, а жизнь наполнять тем, чем можно. И так за долгие годы привык и живу не тужу. На лучшее не надеюсь, от худшего не отрекаюсь. Какова есть о мне воля Божия — так пусть и будет».

Осенью 1929 г. срок заключения святителя Илариона заканчивался, однако власти не собирались выпускать его на волю, а, накручивая все новые сроки, надеялись сгноить его в тюрьме. В октябре владыка был вновь осужден на три года, на этот раз на поселение в Среднюю Азию. Везли его туда по этапу — от одной пересылочной тюрьмы к другой. В дороге он заразился сыпным тифом, вспыхнувшим среди заключенных. Без вещей (в пути его обокрали), в одном рубище, кишасщем насекомыми, в горячке его привезли в ленинградскую тюрьму. Через день с температурой сорок один, изнемогая, он пешком одолел путь до тюремной больницы. Там сказали, что его надо обрить, он ответил: «Делайте со мной теперь что хотите...»

«Я тяжело болен сыпным тифом, — писал он, — лежу в тюремной больнице, заразился, должно быть, по дороге; в субботу, 28 декабря, решается моя участь (кризис болезни), вряд ли переживу...» В бреду говорил: «Вот теперь-то я совсем свободен, никто меня не возьмет...» За несколько минут до кончины к владыке подошел врач, сказал, что кризис миновал, теперь он может поправиться. Святитель едва слышно проговорил: «Как хорошо! Теперь мы далеко от...» — и тихо скончался. Это произошло 28 декабря 1929 г.

Ленинградский митрополит Серафим (Чичагов) добился у властей, чтобы тело усопшего было отдано для церковного погребения. Отпевание состоялось в Новодевичьем монастыре. Родственники и друзья с трудом узнали владыку: годы лагерей и тюрем превратили цветущего человека в седого старика. Похоронили его на монастырском кладбище.

24 июля 1998 г. состоялось обретение нетленных мощей владыки, в сырой петербургской земле сохранилось даже облачение. В 1999 г. святые мощи были перевезены из Петербурга в московский Сретенский монастырь. На следующий день, 10 мая, архиепископ Иларион (Троицкий) был прославлен как местночтимый святой. В 2000 г. Юбилейный Архиерейский Собор причислил святителя к Собору новомучеников и исповедников Церкви Русской.

*День памяти священномученика Илариона в Сретенском монастыре.
Собор в честь Воскресения Христова и новомучеников и исповедников
Церкви Русской, где почивают мощи святителя*

ИЗ КНИГИ «НЕУГАСИМАЯ ЛАМПАДА»

В те уже далекие теперь двадцатые годы нигде, кроме Соловков, не смыкались так плотно последние образы древней, уходившей в прошлое Руси с теми новыми формами, которые несла в буре пришедшая советская власть.

В стенах, сложенных из обтертых доисторическими льдами камней по указу Правителя Царства Бориса Годунова на Полуночном море, в их твердыне, крепившей силу Первопрестольной Москвы, Красная Москва учредила свой застенек-каторгу.

Пылкая фантазия шпаны превратила могилу последнего запорожского кошевого Петра Кольнишевского в гробницу святого Кудеяра, патрона разбойников, бандитов и прочих уголовников. Невдалеке от нее, на кремлевском дворе, стояла сложенная еще руками монахов пирамида неразорвавшихся бомб, выпущенных по монастырю английской эскадрой в 1855 г. По преданию, их фитили были потушены в воздухе ширококрылыми соловецкими чайками, взятыми за это под особую охрану монастыря. Традиция их охраны перешла и к чекистам: Эйхманс настрого запретил убивать спокойно прогуливавшихся по дворам птиц, и этот запрет выполнялся, хотя в белые ночи непрерывный крик чаек изводил заключенных, да и в пищу они годились бы с голодухи...

Комнаты корпусов-общежитий даже в ротных списках именовались не по-тюремному камерами, а по-монастырски — кельями. Оставшиеся на острове соловецкие монахи были зачислены инструкторами в каторжанские рыболовные артели, на кирпичный завод, на вязку плотов и считались на службе ОГПУ, получая зарплату и паек.

В таком же странном сочетании сплетались тонкие, цветистые шелка прошлого с грубым, жестким суровьем новых веяний в душе военкома Соловецкого Особого полка Петра Сухова. Еще недавно был он бравым боевым вахмистром одного из строгих и блестящих кавалерийских полков, состоял на сверхсрочной службе, знал твердо и непоколебимо, верил сам и другим внедрял веру в то, что «русское знамя есть священная хоругвь»...

Но сменилось знамя. Помимо его, вахмистра Сухова, воли вместо «Спаси, Господи, люди Твоя...» запели «Вставай, проклятьем клейменный», вместо царственных величавых орлов нацепили пятиконечные звезды. Лик Спасителя был сорван с древка проби-

того бородинскими пулями штандарта, и на том же древке повисла красная тряпица, наскоро сметанная из гусарских штанов штабного писаря. На том же древке...

Значит, так надо, и вахмистр Сухов стал служить пришедшим на смену знаменам так же верно и честно, как служил ушедшему. Так же твердо и неуклонно.

Когда кончилась война с немцами, вахмистр Сухов пригнал на двор военного комиссариата небольшой табунчик отощавших, запаршивевших от чесотки коней, свалил там же в кучу нерастасканные седла, поставил пустой денежный ящик и древко с красной тряпкой — все, что осталось от трехсотлетней истории славного, боевого и блестящего полка.

— Получите под расписку, товарищ начальник, а мне позвольте назначение на предмет дальнейшей службы, потому славный ...ский гусарский его бывшего Высочества полк приказал долго жить.

Получив назначение на новый фронт, Сухов так же, как и прежде, не раздумывая но выполняя приказ, пошел против нового врага. Были немцы, стали буржуи, кадеты. Это не его, Сухова, дело, кто враг, а вверенный ему эскадрон, теперь уже полк, в полном порядке — и задания выполнены.

То, что против него бились теперь не немцы, а русские, не наводило Сухова на размышления. Это был враг. О врагах и в старом и в новом уставе ясно сказано.

...Кончилась война, направили Сухова в совпартшколу. Новый устав. Новая присяга: «Служу трудовому народу». Господь Бог в ней ни словом не упомянут. Значит — отменен окончательно, вычеркнут из списков, и Сухов Его тоже вычеркнул. Обучающий на занятиях разъяснил по всей науке, что никакого Бога нет и быть не может. Одна поповская выдумка. Значит, так. Правильно!

На Соловках комиссару полка приказ за приказом: усилить, углубить антирелигиозную работу, учитывая местонахождение полка в центре распространения религиозного дурмана.

Правильно. Здесь и монахи еще целы, а на каждом перекрестке дорог стоят трехметровые Распятия. Чудит товарищ Эйхманс: везде кресты и даже самые малые крестики посняты, а здесь вон какие стоят. Только дощечки понабиты с надписью: «Религия — опиум для народа». И Спаситель на этом Распятии

необыкновенный, навроде статуи крашеной. Таких у нас не бывало. И личностью с нашим не схож, попроще, на Бога не походит, а вроде мужика...

Однако не его это, Сухова, дело. Островом Эйхманс заведует, а у Сухова — полк. Полк в полном порядке. Спаситель же на Распятии деревянный, и вреда от него быть не может.

Раз в сумерки, возвращаясь с охоты на соловецких оленей, Сухов выпалил оба заряда в бледно маячившую грудь распятого Христа.

— Получи, товарищ! Все шестнадцать картечин в мишени, — подсчитал он. — Кучно бьет двустволочка!

Выпалил в Христа — и ничего не случилось! Так-то.

Замшелые, источенные ветрами камни Соловецких башенных стен повествуют суровые были об алмазатах и смарагдах истового русского благочестия, долгие годы пребывавших в их нерушимом молчании.

Камни много расскажут тому, что захочет прослушать их беззвучную, бессловесную повесть. Соловецкие камни — книга четырех веков.

Тот, кто сумеет прочесть эту книгу, узнает о многих трудниках, стекавшихся сюда по воле и поневоле со всех концов Святой Руси, чтобы омыть свои души в Соловецкой купели. Эти люди были различны, как и камни в стенах. Иные из них грозными громадами давили друг друга. Так и теперь: камни в стенах словно борются между собой, столкнувшись в твердыне стен, борются так же, как боролись между собой в ушедших веках созидавшие Русь исполины — камни стен ее рухнувшей ныне храмины. Не о них ли хранит в себе память этот нетленный синодик?

Могучий и грозный патриарх Никон был тоже в молодости иноком Анзерской пустыни. Не здесь ли окаменел его непреклонный, непреборимый дух? И другая громада стародавней кондовой Руси прикатилась сюда. Ее имя и по сей день сохранила мрачная темница в кремлевской стене — Аввакумова щель.

А на полке соловецкого антирелигиозного музея теперь лежит иной, меньший по размерам, но столь же твердый камень. В давние времена он лежал в головах сбитого из неструганных и ничем не покрытых жердей ложа чернеца Филиппа Колычева, инока соловецкого, митрополита Московского царства, столь же грозного и непреклонного, как и сам царь его Иван. На этом камне в часы недолгого монашеского сна покоилась голова, не склонившая свой терновый мученический венец перед державною шапкой Мономаха. Слово святительское стало тогда против царского слова

во имя Христовой правды. Стало и победило его в веках.

Не один такой камень лежит в соловецких стенах. Камни-люди громоздили эти валуны, камни-люди в них жили. Камнем был и соловецкий архимандрит, затворивший врата обители перед поправшим предания древней Руси патриархом. Камнями были и его иноки-воины, десять лет продержавшиеся в затворе против стрелы патриаршего воеводы Мещеринова. Много здесь побывало и других таких же камней, не оставивших нам своих имен.

Древни, но нетленны сказы соловецких камней, и нет им конца... В ряд с замшелыми камнями ушедших веков теперь становятся новые, времен сущих, текущих, столь же твердые и непоколебимые.

Одним из таких новых, но столь же несокрушимых, как прежние, камней соловецкой обители Духа стал архиепископ, владыка Иларион.

С первого же дня его соловецкого жития имя владыки окуталось легендой силы и славы. Рассказывали, что в недалеком еще тогда прошлом он был послан Синодом на усмирение какого-то кавказского монастыря, охваченного безумием проповеди тоже тогда еще не забытого иступленного фанатика монаха Илиодора — «русского Савонаролы». Монастырь отказался подчиниться Святейшему Синоду и затворился. Применение полицейских мер в этой чисто церковной расправе было бы бестактностью. Монастырь не принял молодого еще тогда викария, заперев ворота, и не стал слушать его увещаний. Это не остановило воина Христова. Силою своего мощного слова владыка собрал верующих, пошел крестным ходом на монастырь и взял его приступом, как крепости-монастыри в стародавние времена.

В этой легенде было не зерно, а много правды. Позже мне приходилось слышать ее подтверждение из нескольких различных источников. Но в другой легенде о нем, возникшей к концу первого года его пребывания на Соловках, фактической правды совсем не было, но вместе с тем она крайне интересна и очень ярка для познания этой замечательной личности чисто русского иерарха. В этом плане в ней была своя правда, не фактическая, а внутренняя, как в апокрифе.

Рассказывали, что в Кемь приехал нунций Римского папы с целью использовать трагическое положение православного духовенства ради создания унии. Говорили, что ОГПУ было вынуждено, в силу дипломатических соображений, разрешить ему совещание с заточенными русскими иерархами, которые избра-

ли якобы для переговоров владыку Илариона. Описывали с яркими, красочными подробностями встречу в Кеми двух князей двух Церквей, пышное облачение нунция и убогое рубище Илариона, повторяли речь посланника Римского престола и предложенные им тезисы условий соединения Церквей, обещания вывезти из Соловков все русское духовенство и гордый трагически-непреклонный ответ владыки, избравшего терновый венец и отвергнувшего предложенную ему тиару кардинала... Спорили даже о таких подробностях, как икона, держа которую, вышел к нунцию владыка Иларион.

Но ни капли фактической правды в этом апокрифе не было и не могло быть. Посольство папы и тем более разрешение на встречу его с заточенными со стороны ОГПУ были абсолютно невозможны, и все бывшие на Соловках иерархи решительно отрицали этот факт.

Тем не менее апокриф родился и жил на острове. Он даже перекинулся на материк: позже я слышал его в Москве.

Легенда возникла и жила потому, что люди хотели видеть реальное воплощение духовной силы Церкви, ее несокрушимой твердыни, и самым подходящим объектом для этого воплощения был владыка Иларион.

Огромная внутренняя сила его проявилась с первых же дней по прибытии на каторгу. Он не был старейшим из заточенных иерархов, но разом получил в их среде признание высокого, если не первенствующего авторитета. Среди верующих мирян эта авторитетность его достигла еще большей высоты: его называли хранителем и местоблюстителем Патриаршего престола, возведенным в этот сан тайным завещанием Патриарха Тихона, что тоже было апокрифом; говорили и о посулах ему со стороны ГПУ за переход и возглавление созданной этим органом «живой церкви» и о его решительном отказе. Последнее вполне возможно. Подобные предложения не раз делались и высшим иерархам, и рядовому духовенству.

Силе, исходившей от всегда спокойного, молчаливого владыки Илариона, не могли противостоять и сами тюремщики: в разговоре с ним они никогда не позволяли себе непристойных шуток, столь распространенных на Соловках, где не только чекисты-охранники, но и большинство уголовников считали какой-то необходимостью то злобно, то с грубым добродушием поиздеваться над «опиумом».

Нередко охранники как бы невзначай называли его владыкой. Обычно — официальным термином «заклученный». Кличкой «опиум», попом или товарищем — никогда, никто.

Владыка Иларион всегда избирался в делегации к начальнику острова Эйхмансу, когда было нужно добиться чего-нибудь трудного, и всегда достигал цели. Именно ему удалось сконцентрировать духовенство в 6-й роте, получить для него некоторое ослабление режима, перевести большинство духовных всех чинов на хозяйственные работы, где они показали свою высокую честность.

Он же отстоял волосы и бороды духовных лиц при поголовной стрижке во время сыпнотифозной эпидемии. В этой стрижке не было нужды: духовенство жило чисто. Остричь же стариков священников значило бы подвергнуть их новым издевательствам и оскорблениям.

Устраивая других — и духовенство, и мирян — на более легкие работы, владыка Иларион не только не искал должности для себя, но не раз отказывался от предложений со стороны Эйхманса, видевшего и ценившего его большие организаторские способности. Он предпочитал быть простым рыбаком. Думается, что море было близко и родственно стихийности, непомерности природы этого иерарха, русского князя Церкви, именно русского, прямого потомка епископов, архимандритов, игуменов, поучавших и наставлявших князей мира сего, властных в простоте своей и простых во власти, данной им от Бога.

Когда первое дыхание весны рушит ледяные покровы, Белое море страшно. Оторвавшись от материкового льда, торосы в пьяном веселье несутся к северу, сталкиваются и разбиваются с потрясающим грохотом, лезут друг на друга, громоздятся в горы и снова рассыпаются. Редкий кормчий решится тогда вывести в море карбас — неуклюжий, но крепкий поморский баркас, разве лишь в случае крайней нужды. Но уж никто не отчалит от берега, когда с виду спокойное море покрыто серою пеленою шуги — мелкого, плотно идущего льда. От шуги нет спасения! Крепко ухватит она баркас своими белесыми лапами и унесет туда, на полночь, откуда нет возврата.

В один из сумеречных, туманных апрельских дней на пристани вблизи бывшей Савватиевской пустыни, а теперь командировки для организованной из остатков соловецких монахов и каторжан рыболовной команды, в неурочный час стояла кучка людей. Были в ней и монахи, и чекисты охраны, и рыбаки из каторжан, в большинстве духовенство. Все не отрываясь вглядывались в даль. По морю, зловеще шурша, ползла шуга.

— Пропадут ведь душеньки их, пропадут, — говорил одетый в рваную шинель старый монах, указывая на еле заметную, мелькавшую в льдистой мгле точку, — от шуги не уйдешь...

— На все воля Божия...
— Откуда бы они?
— Кто ж их знает? Тамо быстринка проходит — море чистое, ну и вышли, несмышленные, а водой-то их прихватило и в шугу занесло... Шуга в себя приняла и напрочь не пускает. Такое бывало!

Начальник поста чекист Конев оторвал от глаз цейсовский бинокль.

— Четверо в лодке. Двое гребцов, двое в форме. Должно, сам Сухов.

— Больше некому. Он охотник смелый и на добычу завистливый, а сейчас белухи идут. Они по сто пуд бывают. Каждому лестно такое чудище взять. Ну, рискнул!

Белухами на русском севере называют почти истребленную морскую корову — крупное белого тюленя.

— Так не вырваться им, говоришь? — спросил монаха чекист.

— Случая такого не бывало, чтобы из шуги на гребном карбасе выходили.

Большинство стоявших перекрестилось. Кое-кто прошептал молитву.

А там, вдали, мелькала черная точка, то скрываясь во льдах, то вновь показываясь на мгновение. Там шла отчаянная борьба человека со злобной, хитрой стихией. Стихия побеждала.

— Да, в такой каше и от берега не отойдешь, куда уж там вырваться, — проговорил чекист, вытирая платком стекла бинокля. — Амба! Пропал Сухов! Пиши полкового военкома в расход!

— Ну, это еще как Бог даст, — прозвучал негромкий, но полный глубокой внутренней силы голос.

Все невольно обернулись к невысокому плотному рыбаку с седоватой окладистой бородой.

— Кто со мною, во славу Божию, на спасение душ человеческих? — так же тихо и уверенно продолжал рыбак, обводя глазами толпу и зорко вглядываясь в глаза каждого. — Ты, отец Спиридон, ты, отец Тихон, да вот этих соловецких двое... Так и ладно будет. Волоките карбас на море!

— Не позволю! — вдруг взорвался чекист. — Без охраны и разрешения начальства в море не выпущу!

— Начальство вон оно, в шуге, а от охраны мы не отказываемся. Садись в баркас, товарищ Конев!

Чекист как-то разом сжался, обмяк и молча отошел от берега.

— Готово?

— Баркас на воде, владыка!

— С Богом!

Владыка Иларион стал у рулевого правила, и лодка, медленно пробиваясь сквозь заторы, отошла от берега.

Спустились сумерки. Их сменила студеная, ветреная соловецкая ночь, но никто не ушел с пристани. Забегали в тепло, грелись и снова возвращались. Нечто единое и великое спаяло этих людей. Всех без различия, даже чекиста с биноклем. Шепотом говорили между собой, шепотом молились Богу. Верили и сомневались. Сомневались и верили.

— Никто как Бог!

— Без Его воли шуга не отпустит.

Сторожко вслушивались в ночные шорохи моря, буравили глазами нависшую над ним тьму. Еще шептали. Еще молились.

Но лишь тогда, когда солнце разогнало стену прибрежного тумана, увидели возвращавшуюся лодку и в ней не четырех, а девять человек.

И тогда все, кто был на пристани, — монахи, каторжники, охранники, — все без различия крестясь опустили на колени.

— Истинное чудо! Спас Господь!

— Спас Господь! — сказал и владыка Иларион, вытаскивая из карбаса окончательно обессилевшего Сухова.

Пасха в том году была поздняя, в мае, когда нежаркое северное солнце уже подолгу висело на сером, бледном небе. Весна наступила, и я, состоявший тогда по своей каторжной должности в распоряжении военкома Особого Соловецкого полка Сухова, однажды, когда тихо и сладостно пахуче распускались почки на худосочных соловецких березках, шел с ним мимо того Распятия, в которое он выпустил оба заряда.

Капли весенних дождей и таявшего снега скоплялись в ранах-углублениях от картечи и стекали с них темными струйками. Грудь Распятого словно кровоточила.

Вдруг неожиданно для меня Сухов сдернул буденовку, остановился и торопливо, размашисто перекрестился.

— Ты смотри... чтоб ни кому ни слова... А то в карцере сгною! День-то какой сегодня, знаешь? Суббота... Страстная...

В наползавших белесых соловецких сумерках смутно бледнел лик Распятого Христа, русского, сермяжного, в рабском виде исходившего землю Свою и здесь, на ее полуночной окраине, расстрелянного поклонившимся Ему теперь убийцей...

Мне показалось, что свет неземной улыбки скользнул по бледному лику Христа.

— Спас Господь! — повторил я слова владыки Илариона, сказанные им на берегу. — Спас тогда и теперь!..

ЗАПИСКИ О ЛИТУРГИИ И ЦЕРКВИ

ГЛАВА 9

Во время пения заповедей блаженства открываются средние, так называемые царские двери (в честь *Царя славы* Господа) для совершения малого входа: священник и диакон с Евангелием в руках идут от престола через северные, то есть левые от лица народа, двери на амвон. Это знаменует собою и наминает выход Христа на Его проповедь. *Пришел Иисус в Галилею, проповедуя Евангелие Царствия Божия* (Мк. 1, 14).

Свеча, несомая перед Евангелием, знаменует собою Иоанна Крестителя, который был и предтечей Господа, и *светильником света*. Этот выход Христа на проповедь осуществляется на литургии уже не символически — через несколько минут после малого входа чтением слова Божия: апостольских посланий и Евангелия. В литургии проходит в созерцании веры вся жизнь Спасителя.

«Во всей литургии (мы), — пишет митрополит Солунский Николай Кавасила, — созерцаем Христа, (в ней) изображаемого, Его... дела и страдания. Ибо через псалмы, через чтения и через священнические действия Спасителя означается (раскрывается) смотрение... и есть все тайноводство как бы одно некое начертание единого Тела Спасительской жизни, представляющее видению все ее части от начала до конца, дабы созерцание Его жизни освятило души и сделало их достойными восприятия Священных Даров. И как тогда оно (это Тело) Вселенную воскресило, так оно и душу взирающих на него соделывает лучшею и Божественнейшею и вящих дарований духовных сподобляет». Тело Спасителя, по апостолу, есть Церковь. Значит, литургия как «начертание единого Тела Спасительской жизни» есть начертание Церкви.

Перед самым чтением слова Божия певчие поют *Святый Боже, или Трисвятое*. Эту молитву, по преданию, услышал в V веке в Константинополе мальчик в пении Ангелов. Во время чтения Апостола священник молится про себя, или тайно, о том, чтобы в сердцах наших воссиял нетленный свет Божественного разумения слова Божия. Для святых этот свет был

не аллегорическим, а истинным. Один подвижник рассказывал о своем видении в храме: «Когда... прочитано было учение апостольское и вышел диакон читать Евангелие, я видел, что кровля церкви раскрылась, и видно было небо, и каждое слово Евангелия было как огонь и восходило до небес».

В древности не было тайных молитв священников, то есть все молитвы, читаемые священником, читались им во всеуслышание: народ, составляющий Церковь, участвовал во всех молитвах ее. Архимандрит Киприан пишет: «Тайные [молитвы] современная литургическая практика понимает как секретные... в древности было не так... Златоуст ясно поучает нас о том, что молитва совершается священником сообща с народом... При тайном чтении молитв Церковь лишает верный народ участия в сознательной евхаристической жизни». Народ же в древности и пел все молитвы. Только с IV–V веков все большую роль в пении начинают занимать «особые» певцы — певчие, отделенные от народа. С упадком веры пение в храме начиная с XVII–XVIII веков все чаще принимает совершенно не соответствующее храму оперно-концертное направление. Это одна из тяжелых язв церковной действительности. В XIX веке в репертуаре церковного пения имелись «номера» под такими, например, названиями: «Херувимская веселого распева с выходками», или «умилительная с выходками», или «аллилуйя-скок», или «валторная», или «с чердака». Это надо знать, так как это все следы оскудения веры, а это оскудение мы должны преодолевать.

Возглас *Премудрость, вонмем* или только *Премудрость*, возглашаемый как в этой части литургии, так и в других, означает призыв к усилению внимания молящихся. «Прости» значит «станем прямо, благоговейно». Еврейское слово «аллилуйя» вообще означает «хвалите Господа», но кроме буквального смысла в нем есть род непереводаемого радостного восклицания и хвалебного торжества. Блаженный Августин считал, что ни «аминь», ни «аллилуйя», слышанные с неба апостолом Иоанном (см.: Откр. 19, 1), невозможно перевести за их неизреченность. Вспомним еще

Начало в апрельском номере.

раз 3-ю главу Апокалипсиса: *И Ангелу Лаодикийской Церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный...* (3, 14), где слово «аминь» стало как бы личным именем Сына Божия. А понятию имени придается в Церкви очень большое значение.

Для человека, живущего любовью к Иисусу Христу, имя Его есть Он Сам, в смысле действия Его благодати в том, кто Его сердцем призывает. Призываемое в любви имя Божие тут же отвечает человеку лучом любви Божией. Святой Ерм в «Пастыре» говорит: «Имя Сына Божия велико и неизмеримо, и оно держит весь мир». Этот же учитель Церкви называл Церковь башней, а *имя Божие — крепкая башня* (Притч. 18, 11). Вот почему священник Павел Флоренский говорил, что «имя Божие — это мистическая Церковь». Имя Божие есть «начертание Божие», «солнце в малой капле вод» — солнце, собранное в этой капле ради любви христианского сердца. Но если так в отношении свойства имени к именуемому Богу, то в подобие этого можно разуместь и имена человеческие. Надо принять их так, как бы принимали самих людей. Эти имена для нас тоже таинственное начертание каких-то живых душ, требующих нашей любви. По-

этому очень большое значение приобретает чтение за литургией имен людей, живых и умерших. Каждая частица, вынутая за них, будет погружена в Кровь Господню для очищения и вечной жизни. С какой же любовью и трепетом о чужой судьбе мы должны относиться к этим иногда затертым клочкам бумаги с именами часто уже давно всеми забытых на земле людей. В этом — неумиряющая память Церкви, вечная память Божия — Его любовь, собиравшая в ней человечества. Недавно, читая в алтаре записки, я прочел такую: «О спасении всех людей, родных, сродников, знаемых и не знаемых, болящую Лидию и всех болящих».

Имена, приносимые на литургию, прочитываются вблизи от жертвенника и престола, на которых лежат Святые Дары, еще не освященные. Преподобный Феогност пишет: «Святые Дары, имеющие быть освященными, для того подлежат открытыми после Символа веры, что они неким образом как бы молятся о приносящих и вопиют неизречеваемыми глазами к Живущему на небесах, да не презрит их... вспоминая вольное за грешников истощание Сына Своего, Его неизреченное схождение и человеколюбивое заклание».

ГЛАВА 10

После чтения Евангелия и следующих за ним ектений (одна из них называется сугубой, с тройным *Господи, помилуй*) начинается моление об оглашенных. Эта часть литургии в наше время может быть воспринята только как обрядовый знак, говорящий о когда-то бывшей здесь живой жизни.

Златоуст так говорит о духовной насыщенности первохристианства по сравнению с его временем (конец IV века): «Церковь тогда была небом; Дух устроил все в народе, руководил и вдохновлял каждого из предстоятелей. А теперь у нас одни только знаки тогдашних дарований». В Древней Церкви крещение обычно совершалось над взрослыми, которые перед крещением подготавливались — оглашались, то есть внимали голосу, «гласу», или устному слову, христианских учителей — катехизаторов, или огласителей. Эти оглашаемые словом учения могли стоять на литургии только до начала литургии верных, почему та часть литургии, на которой они имели право стоять, называлась литургией оглашенных.

Вернии, о оглашенных помолитесь, да Господь помилует их, — взывает и в наше время диакон. — *Открыт им Евангелие правды. Соеди-*

нит их Святей Своей, Соборней и Апостольстей Церкви.

Чтобы понять, что в древности эти оглашаемые, эти люди, которые были обязаны покинуть храм на виду у всех как недостойные еще в нем находиться во время дальнейшего священнодействия, были люди уже высоко христиански просвещенные, достаточно прочтеть некоторые строки из литургической молитвы об оглашенных эпохи Златоуста: *Помолимся прилежно об оглашенных, чтобы премилосердый Бог услышал молитву их, отверз их сердца к разумению того, что око не виде и ухо не слыша и на сердце человеку не взыде. Да научит их учению истины... Ангела мира просите, оглашенные. Просите о том, чтобы все предлагаемое вам было мирно, мирен настоящий день и все дни жизни вашей. О христианской кончине молитесь. Предадите себя самим живому Богу и Христу Его.*

Но в древности на литургию верных не могли оставаться не только оглашенные, но и те христиане, которые за свои грехи находились под церковным запрещением участвовать в принятии таинства, иногда на очень длительный срок.

Апостол Павел запретил *сообщаться с тем, кто, называясь братом (верующим), остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником; с таким даже и не есть вместе... извергните развращенного из среды вас* (1 Кор. 5, 11, 13). *Какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою?* (2 Кор. 6, 14). В христианстве вера неотделима от нравственности, от исполнения заповедей. Исполнение заповедей есть действие любви. *Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди*, сказал Христос (Ин. 14, 15). Вера не может быть не действующей, не любящей. «Все... прекрасно, если веруете с любовью», — писал в начале II века святой Игнатий Богоносец. «Старайтесь... благоуспевать плотью и духом, верую и любовью». «Вера есть Плоть Господа, любовь — Кровь Иисуса Христа». Как в литургии мы принимаем и Плоть, и Кровь Господню, так и в своей христианской жизни мы должны осуществлять не одну веру, но и любовь, или, по слову апостола, *веру, действующую любовью* (Гал. 5, 6). Действование любви и есть христианский подвиг. Вне его, вне любви обескровленная плоть веры умирает. Нераскаянный грешник сам отлучает себя от Тела Христова, от Его Церкви и тем самым не может участвовать в ее таинствах. «Будем жить достойно Главы нашей... — пишет преподобный Феодор Студит, — как сотелесники и соучастники и сонаследники Христовы... Оскверняющий тело уже не член Тела Христова, то же злопамятствующий или другой какую-либо страстью обладаемый, и потому недостоин причащаться Святых Таин».

Не допускаемые к причастию грешники выходили из храма перед началом главной части литургии.

Так было в Древней Церкви. Но еще в средние века, в XI веке, преподобный Симеон Новый Богослов советовал людям грешным, хоть уже принесшим покаяние и не находящимся под церковным запрещением, но еще недостаточно себя освятившим новой, чистой жизнью, воздерживаться от причастия, пока, пишет преподобный Симеон, «помысл твой и расположение твое не отложатся от злых дел греховных, пока не стяжешь твердого намерения никогда уже не оставлять добрых дел и... (пока) совершенно не возненавидишь грех». Пока же этого нет, «когда совершается Божественная литургия и священник или диакон скажет: *Елицы оглашеннии, изыдите*, выходи из церкви, и становись в преддверии храма, и... вспоминай о грехах своих, и плачь. Потом,

когда кончится Божественная литургия, можешь опять входить в церковь». «Тебе следует стоять за дверьми церкви, как оглашенному... Ибо оглашенным следует называть не только неверного (еще не крещенного), но и всякого, кто не зрит славы Господа откровенным лицом ума своего».

Другой учитель Церкви, Симеон, архиепископ Солунский (XIV век), это правило о несмешении в общении таинства членов Церкви с теми, кто сами себя из нее вывели своими нераскаянными грехами, относит и к выниманию частиц из просфор. «Внесена будучи в Чашу, — пишет он, — (частица) соединяется с Кровию. Поэтому душе, за которую была принесена эта частица, ниспосылается благодать: общение духовное. Если душа благочестива или, и согрешивши, покаялась, невидимо приемлет (она) общение Духа, часто же и телесную обретает пользу. Но если кто совершает грех и от него не отступает, делая себя негодным для общения (в таинствах), в осуждение тому будет и принесенная о нем жертва. Посему иерей должен внимать и не принимать приношения от такового и не возносить жертв за таких, которые грех бесстыдно совершают, чтобы и самому с ними не осудиться. От сего искушения и скорби происходят. *Сего ради*, — говорит Павел, — *многие из вас немощны и больны и немало умирает* (1 Кор. 11, 30)».

При том духовном невежестве, которым отличается наша церковная эпоха, трудно предположить возможность соблюдения этого указания. Но надо хотя бы знать о нем и о всей той тревоге, которую проявили руководители Церкви в древности начиная с апостолов о том, чтобы святыня Церкви была в святых руках, чтобы в общении этого таинства не оказались среди учеников снова Иуды. На Тайной вечери он был попушен — да сбудется Писание. Но это попушение есть страшное предупреждение на будущее и призыв к бдительности Церкви. Это надо знать и для себя лично, *да не в суд или во осуждение будет мне причащение Святых Твоих Таин*. Апостольским предупреждением об опасности недостойного причащения полны наши молитвы перед причащением и после него: *Да не опалиши мене, Содетелю мой*.

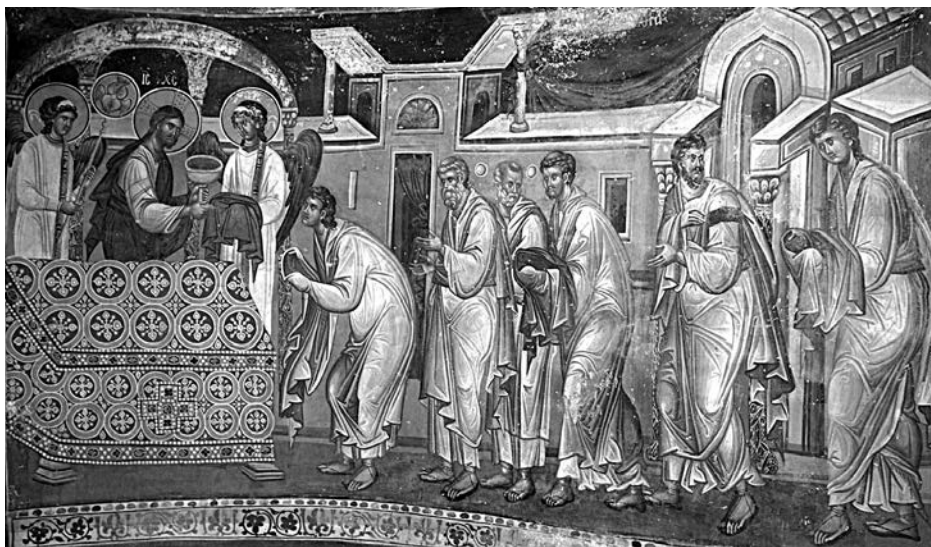
Древнее отношение к причастию создается как бы из двух противоборствующих сторон: стремления как можно чаще соединяться с Господом и страха причаститься в осуждение себе, «в опаление себя». Первое — устремление к еженедельному, ежедневному причащению, второе удерживает от него иногда

на долгое время. Чтобы понять правду Божественного страха перед бременем таинства, приведу рассказ о преподобном Филимоне. «Удостоен будучи пресвитерства давно-давно и так преискренне коснувшись небесного и жизнью и разумом, он всячески избегал Божественных священнодействий как бремени... И Божественных Таин... несмотря на постоянно опасливую жизнь, не причащался (в те дни), когда случалось ему входить в общение и беседовать с людьми... А когда намеревался причаститься Божественных Таин, то пред этим долго докучал Богу, умоляя Его молитвами, псалмопениями и исповеданиями. Ужасался он гласа иерея, который возглашает при сем, говоря: *Святая — святым*. Ибо в это время, говорил он, вся Церковь полна бывает святых Ангелов и Сам Царь сил, таинственно священнодействовал и хлеб и вино претворив в Свое Тело и Кровь, чрез Святое Причащение вселяется в сердца наши. Почему, присовокупляя он, надлежит нам лишь непорочно и чисто и как бы вне плоти бывая без всякого сомнения и колебания дерзать на Святое Причащение Пречистых Христовых Таин».

У многих в наше время нет никакого страха перед таинством. Поэтому, может быть, будет полезно знать, как святые убеждали не каких-нибудь там мирян, а священников воздерживаться от таинства и удаляться от священства во избежание осуждения за недостойнство. «Без очищения... себя не дерзай прикасаться Святым Таин, чтобы не пожжену быть, как сено, Божественным огнем, — пишет преподобный Феогност. — Сподобившись Божественного и честного священства, прежде всего себя самого обязан ты всегда иметь принесенным в жертву умерщвлением страстей... если не имеешь извещения от Духа Святого,

что ты благоприятный посредник между Богом и человеками, то на пагубу себе не дерзай на всесвятое и страшное священнодействие Божественных Таин, перед коими Ангелы благоговеют и от коего благоговейно воздерживались многие из святых... Всеконечно лучше по сознанию своей немощи отказаться от высокого чина священства, нежели с сознанием своего недостойнства и нечистоты принять его и носить... Не осилив отстать и очиститься от страстного расположения, как дерзаешь ты, окаянный, касаться того, что и для Ангелов неприкосновенно?.. Или достойно и чисто — чтобы не сказать равноангельно — пользоваться властью Божественного священства, или отступи от сего страшного служения». «Евхаристия, — пишет святой Димитрий Ростовский, — приносится... не только за всех... верующих, но и за неверных, чтобы они обратились». Это приношение за весь мир во второй части литургии — литургии верных — делается еще более дерзновенным, еще более могущественным, но именно для этого дерзновения нужно, чтобы теперь вокруг таинственного приношения за мир оставались только посвященные в него, только те, кто и сами себя готовы принести Христу.

«Нет иного способа моления, — пишет митрополит Николай Кавасила, — столь многомогущественного и подающего нам столь крепкие надежды, как сей образ страшного сего жертвоприношения», где Христос, как говорит другой учитель Церкви, «Сам Священник, Сам и Алтарь (Жертвенник), Сам Бог, Сам и человек, Сам Царь, Сам и архиерей, Сам Овца, Сам и Агнец...» (святой Епифаний). Или как в молитве, читаемой священником во время пения Херувимской: *Ты бо еси Приносяй (Приносящий) и Приносимый, и Приемляй и Раздаваемый, Христе Боже наш*.

РОДОСЛОВНАЯ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ

Преподобномученица
великая княгиня Елизавета Феодоровна

Великую княгиню Елизавету Феодоровну, дочь великого герцога Гессенского и принцессы Британской, связывают родственные узы со многими правящими домами Европы и России, на протяжении веков заключавшими между собой династические браки. Преподобномученица состоит в родстве с Рюриковичами, королями Польши, семьей Висконти, сербскими и немецкими правителями, Брабантским домом, домами Пржемысловичей и Арпадов и другими.

Родители назвали Эллу в честь прапрапра...бабушки Елизаветы Венгерской (Тюрингской), одной из наиболее почитаемых католических святых, посвятившей жизнь служению обездоленным. Не случайно при переходе в Православие великая княгиня оставила прежнее имя, избрав небесной покровительницей мать Иоанна Предтечи — небесную покровительницу своей венгерской сродницы.

Елизавета Венгерская была дочерью короля Андраша II из дома Арпадов, правившего Венгрией с X века. Арпады не раз вступали в браки с Рюриковичами, в частности, Андраш I был женат на дочери святого благоверного князя Ярослава Мудрого.

Супруг Елизаветы, тюрингский ландграф Людвиг IV из дома Людовингеров, умер в возрасте двадцати шести лет во время крестового похода. Уезжая из дому, он дал обет посвятить Богу ребенка, которым была беременна его супруга. Это дитя — дочь Гертруда — появилось на свет через две недели после смерти отца, а примерно двумя годами позже Елизавета, исполняя обет мужа, отдала девочку в католический монастырь Альтенберг, однако навещала ее там, и сестры вспоминали, как высокая гостя пряла вместе с ними шерсть.

Елизавета оставила мирскую жизнь, основала госпиталь и жила в добровольной нищете, ухаживая за больными и помогая бедным. Она скончалась, когда дочери было четыре года. В двадцать с небольшим лет сестры избрали Гертруду настоятельницей. Она управляла обителью сорок девять лет, ведя крайне аскетическую жизнь. На полученное наследство выстроила церковь и богадельню и, подобно матери, заботилась о больных и голодных, на ее попечении было два лазарета. Вскоре после кончины началось ее почитание в лике блаженных, которое продолжается по

Святая
Елизавета
Венгерская

сей день. Память ее чтут не только католики, но и местные протестантские диакониссы.

По линии Рюриковичей преподобномученица Елизавета состоит в дальнем родстве с равноапостольной княгиней Ольгой, начальницей веры и корнем Православия земли Русской, внуком Ольги крестителем Руси равноапостольным князем Владимиром и его сыновьями.

Сын Владимира, святой благоверный князь Ярослав Мудрый, содействовал распространению христианства на Руси. При нем христианская вера стала «плодиться и расширяться, и черноризцы стали множиться, и монастыри появляться», свидетельствовал летописец Нестор. Супруга Ярослава Ингигерда, дочь первого христианского короля Швеции Олафа, женщина выдающегося ума, силы духа и редкого для того времени образования, помогала мужу в делах правления и удостоилась похвалы митрополита Илариона в «Слове о законе и благодати» за свое благочестие. Впоследствии она приняла монашество и прославлена как благоверная княгиня Анна Новгородская. Их сын, святой благоверный князь Владимир, Новгородский чудотворец, построил Софийский собор — одну из главных святынь Великого Новгорода и Древней Руси.

Младшие сыновья равноапостольного князя Владимира, князья-страстотерпцы Борис и Глеб, ставшие первыми русскими святыми, были воспитаны в христианском благочестии и отличались милосердием к бедным и больным. Помня слова апостола *кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец*, они отказались воевать со своим братом Святополком и добровольно приняли мученическую смерть. По кончине оба прославились даром исцелений и почитаются как защитники Русской земли.

По линии польских королей сродницей Елизаветы Феодоровны является прославленная Поль-

*Равноапостольные
Владимир и Ольга*

*Князья-страстотерпцы
Борис и Глеб*

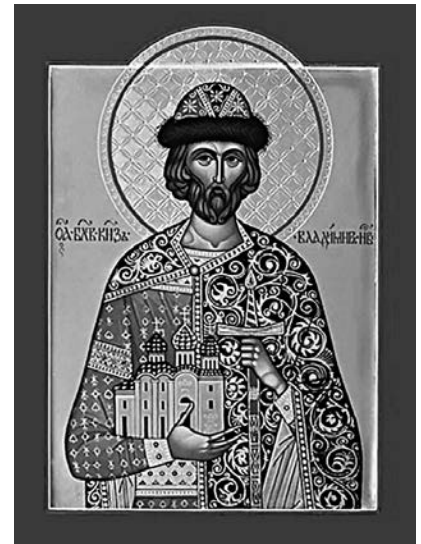
*Благоверный князь
Ярослав Мудрый*

*Благоверная княгиня
Анна Новгородская*

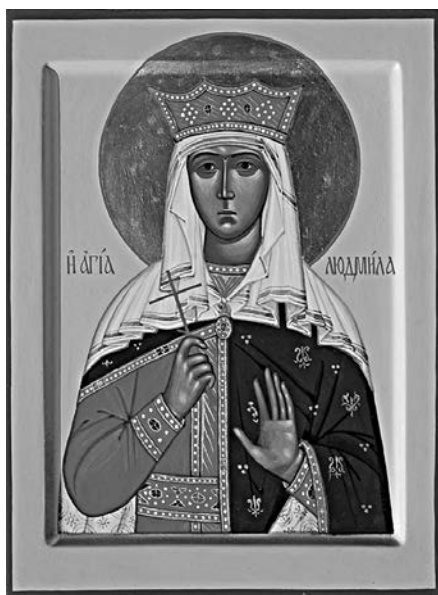

*Благоверный князь
Владимир Новгородский*

Святая
Сватава
Польская

Мученица Людмила Чешская

Благоверный
князь
Вячеслав
Чешский

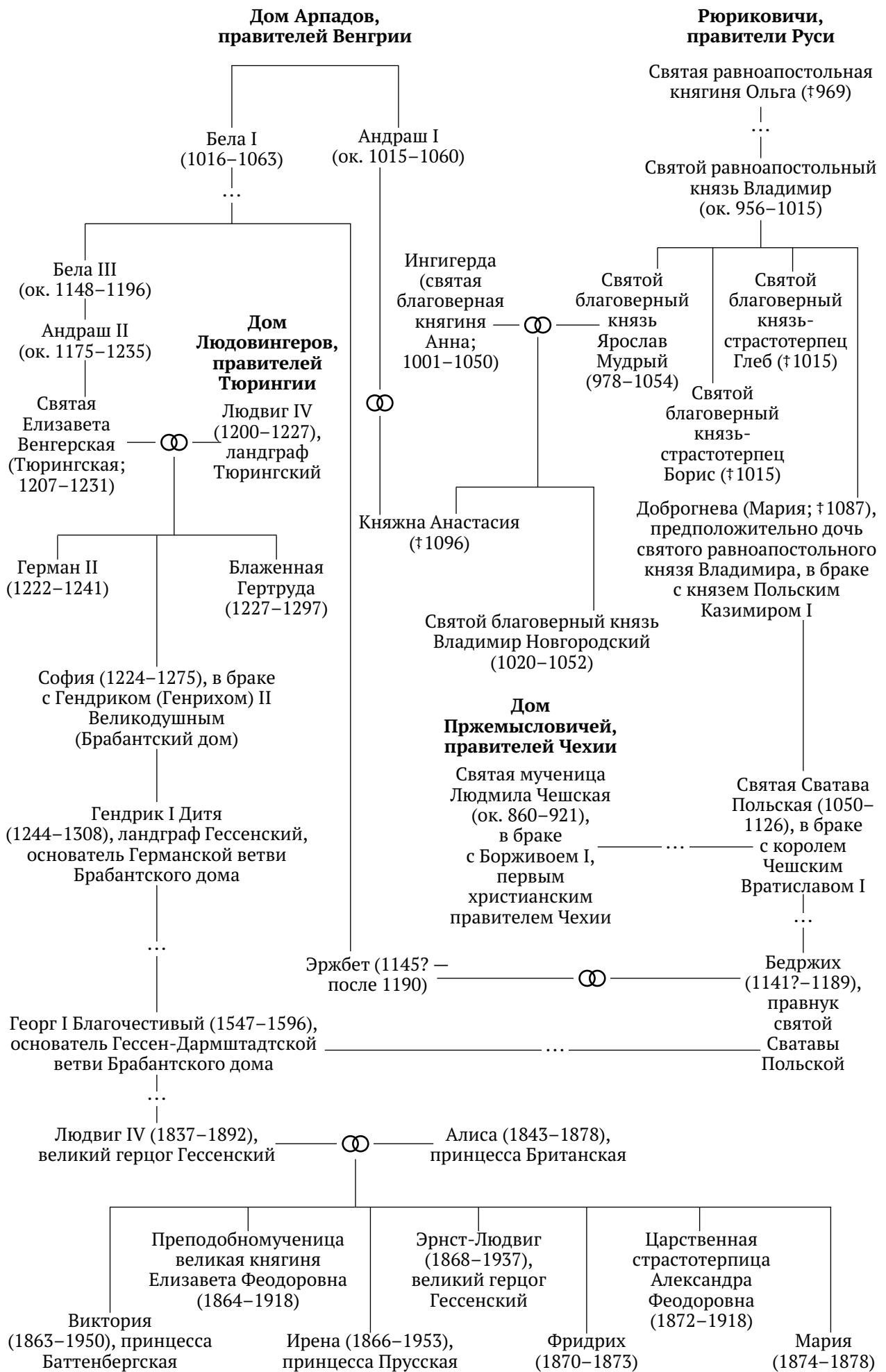
Страстотерпцы
царь Николай,
царица Александра,
царевич Алексей,
великие княжны
Ольга, Татиана,
Мария и Анастасия

ской Православной Церковью святая Сватава, предположительно внучка равноапостольного князя Владимира; по линии дома Пржемысловичей — святая Людмила Чешская. Ее вместе с мужем, чешским князем Борживоем, крестил равноапостольный Мефодий, просветитель славян. Супруги стали первыми христианскими правителями Чехии, заботились о просвещении государства светом Христовой веры, строили храмы.

Рано овдовев, Людмила вела строгую, благочестивую жизнь, продолжала возводить храмы, помогала бедным, больным, вдовам и сиротам. Святая была убита по приказу своей невестки-язычницы. «Бог прославил многими чудесами место ее погребения (она погребена была не в церкви, а под городской стеною): каждую ночь над тем местом являлись горящие свечи; один слепец прозрел, когда прикоснулся земли с могилы святой Людмилы. Услышав о таковых чудесных знамениях, внук ее Вячеслав совершил перенесение ее мощей в город Прагу и положил их в церкви святого Георгия, где и ныне они источают много знамений и чудес», — пишет святитель Димитрий Ростовский.

Людмила Чешская почитается как покровительница бабушек, матерей, христианских учителей и воспитателей. Ее внук, святой благоверный князь Вячеслав Чешский, о котором упоминает святитель Димитрий, был воспитан бабушкой в глубоком благочестии, правил страной мудро и справедливо, строил и украшал церкви, заботился о христианском просвещении народа и, как Людмила Чешская, принял мученическую кончину.

Сама преподобномученица Елизавета, выбрав путь Православия, явила пример высокой подвижнической жизни и вместе со своей сестрой, императрицей-страстотерпицей Александрой Феодоровной, стала одной из наиболее почитаемых новопрославленных святых.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОДАРОК ОТЦА

Мышкинцы в Карелии

Мы хотим поделиться впечатлениями об удивительной поездке в Карелию. Поездка эта стала возможна благодаря попечению дорогого батюшки Димитрия, который любил ребят из детского дома в Мышкино как своих детей.

Наше путешествие состоялось в первой половине августа и длилось чуть меньше двух недель. Главным событием стало посещение Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. Мы проехали много километров, побывали в Санкт-Петербурге, Петергофе, Кронштадте, Сортавале, Петрозаводске, Сандармохе, посетили Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри, Вологду, а последнюю ночь провели в деревне. Расскажем немного подробнее о каждом дне.

Первый день мы провели в дороге до Санкт-Петербурга по новой трассе М-11 «Нева», обустроились в соименном кемпинге «Нева» в Санкт-Петербурге.

Второй день посвятили Северной столице. Побывали в Артиллерийском музее, расположенном напротив Петропавловской крепости, где узнали много нового об оружии Великой Отечественной войны. После обеда посетили Исаакиевский собор. Очень интересно было узнать, как возводилось это чудо инженерной мысли, какого размера изображение серебряного голубя в зеркале купола, сколько богослужений совершают в храме-музее. Со смотровой площадки осмотрели город с высоты птичьего полета. Вечером совершили прогулку на катерке по водным путям города мимо самых ярких достопримечательностей.

В третий день отправились в Петергоф, где гуляли в обширном Нижнем парке, любовались фонтанными комплексами, и парке Александрия, расположенном по соседству. В Александрии все включая взрослых были впервые. Свое название ансамбль получил от первой хозяйки — императрицы Александры Феодоровны, супруги Николая I. Здесь императоры и их родственники жили в своих поместьях. Сохранились Коттедж и Фермерский дворец, в которые мы не смогли попасть из-за пандемии. Нижняя дача, где жила семья последнего императора Николая Александровича и где родились цесаревич и три царевны, к сожалению, с шестидесятих годов пребывает в развалинах. К слову, принято историческое решение о восстановлении архитектурного комплекса. Мы с удовольствием прогулялись по парку, мальчики даже искупались в Финском заливе и порезвились на вос-

становленной детской спортивной площадке, построенной по чертежам Николая I (он задумал ее для своих четверых сыновей и трех дочерей). На обратной дороге заехали в величественный Морской собор Кронштадта.

Важнейшим событием **четвертого дня** было посещение музея «Дорога жизни» на берегу Ладоги. Мы узнали много новых подробностей об истории блокады Ленинграда: о том, что молодые девушки дежурили в тридцатиградусный мороз на озере возле поврежденных путей Дороги жизни, чтобы грузовики и автобусы не провалились под лед. Что по дну озера проложили кабель и обеспечили город электричеством. А по железной дороге, построенной прямо на сваях во льду, вывозили из заводов осажденного города снаряды на другие участки фронта.

После осмотра экспозиции под открытым небом искупались в бодрящих водах Ладоги и отправились на север в Карелию. К сожалению, мы не попали в крепость Корела в Приозерске, которая была возведена новгородцами в XIII веке. Пообедали на камушках возле крепостных стен, а к ужину приехали в кемпинг под городом Сортавала, расположенном на бывшем финском хуторе рядом с лесом.

Пятый день пришелся на воскресенье и начался с литургии в Никольском храме Сортавалы. Встретили нас хорошо, все смогли причаститься. В церковном дворе установлен памятник Святейшему Патриарху Алексию II, который не раз здесь бывал и сам посадил дубок.

После вкусного обеда отправились в «Горный парк Рускеала». Здесь добывали мрамор для храмов, дворцов и набережных Петербурга, в том числе для Исаакиевского собора. Карьеры затоплены и поражают чистейшей водой и живописными видами. В конце парка, где посетителей почти нет, находится озеро Светлое с бирюзовой водой, в котором все с большим удовольствием искупались. Посмотрели на старинный действующий паровоз, прибывший на местную станцию, и мраморные срезы карьера и вернулись в кемпинг.

Шестой день провели на Валаамском архипелаге. Метеор доставил нас прямо к пристани Воскресенского скита. Мы прошли мимо Гефсимании на гору Фавор, где вдыхали удивительную тишину, а вернувшись на пристань, поплыли на катерке к монастырю. Из-за ограничений нас пустили только в нижний храм главного собора. Здесь мы спели тропарь и кондак преподобным

Сергию и Герману и после молитвы приложились к мощам. Погуляв по монастырю и прослушав концерт духовной музыки, отправились на пристань. Несмотря на испортившуюся погоду, метеор благополучно доставил нас до Сортавалы.

В седьмой день отправились в столицу Республики Карелия Петрозаводск, где посетили уникальный музей при клубе «Полярный Одиссей». Здесь энтузиасты уже 40 лет изучают историю русского кораблестроения и строят ладьи, поморские кочи, бригантины и шхуны по старинным образцам. На построенных кораблях участники клуба отправляются в экспедиции и участвуют в морских фестивалях Европы и Америки. В 1990 году они впервые поплыли в паломничество на Святую Землю на трех ладьях «Вера», «Надежда» и «Любовь». Всем посетителям разрешают забраться на самые важные экспонаты: бригантину «Полярный Одиссей» и варяжский драккар на воде, а также поморскую ладью «Святитель Николай» на заслуженном отдыхе в элинге.

На восьмой день мы достигли самой северной точки нашего путешествия — города Медвежьегорска. Эти глухие места печально известны не только ожесточенными боями Великой Отечественной войны, но также лагерями и расстрельными местами с тысячами осужденных и умученных соотечественников. Мы с интересом осмотрели финские укрепления генерала Маннергейма, которые произвели на нас большое впечатление. Побывали в дотах, высеченных прямо в скалах, возвышающихся над городом.

В тот же день мы посетили урочище Сандармох, где были расстреляны и погребены около семи тысяч невинных людей разных национальностей, в том числе тысяча сто одиннадцать узников соловецкого этапа. Здесь лежат мощи свяennemучеников архиепископа Дамияна (Воскресенского), епископа Алексия (Буй), священника Анатолия Жураковского и других непрославленных свяennemучеников и мучеников. В лесу выложены камнями круглые ямы, поставлены кресты и памятники. Люди, узнав, что здесь покоятся останки их родственников, приезжают поставить крест или просто прибить табличку с дорогим именем. Мы помолились о невинноубиенных в часовне и долго ходили по необычному кладбищу.

В тот вечер мы поставили лагерь в лесочке на берегу Онежского озера среди зарослей черники, которую все ели сколько хочется.

В девятый день проехали около 500 километров на юг и по пути посетили два места. Поселок Повенец расположен у начала Беломоро-Балтийского канала. Здесь возведен храм-памятник всем погибшим на этой стройке. Храм необычный: основа отлита из бетона, все остальное выполнено из дерева по образцам старинных деревянных храмов, а небольшая колокольня сделана в виде лагерной вышки. Помолившись в храме, мы пошли ос-

мотреть Повенецкую лестницу — систему семи шлюзов. Где-то здесь на строительстве Беломоро-Балтийского канала в 1930–1932 годах отбывал свое первое заключение свяennemученик Владимир Медведюк.

В Вытегре мы остановились для осмотра дизель-электрической подводной лодки и познакомились с ее историей и бытом подводников. Здесь, вдали от моря, лодка находится на вечной стоянке, так как в этом городе и его окрестностях родилось шесть адмиралов.

Ночевали мы в красивейшем сосновом бору на берегу Шекснинского водохранилища.

Десятый день посвятили двум знаменитым обителям Северной Фиваиды. Ферапонтов монастырь впечатлил сохранившимися фресками XVI века кисти Дионисия. Монастырь действующий, монахи служат в небольшой надвратной церкви Богоявления Господня. Среди местных святынь мы с удивлением обнаружили епитрахиль святого праведного Иоанна Кронштадтского. Оказывается, в начале XX века святой благословил игумению Таисию (Солопову) на возрождение в древних стенах женской обители! Основатель же монастыря преподобный Ферапонт любим и близок нам. Ведь это именно он по просьбе удельного Можайского князя Андрея Дмитриевича основал Свято-Рождественский Лужецкий монастырь. От этого монастыря до нашего Мышкино рукой подать.

Вторую половину дня провели в Кирилло-Белозерском монастыре, где помолились и приложились к мощам преподобного Кирилла.

Вечером у нас был прощальный костер с приготовлением рыбы на огне.

В одиннадцатый день все уже думали о возвращении домой, но мы не могли не заехать в славный город Вологду. Здесь мы зашли в знаменитый Софийский собор, который запомнился не только размерами, но и на удивление хорошо сохранившимся интерьером. Потом поднялись на смотровую площадку неоготической колокольни, откуда открывается захватывающий вид на кремль, реку Вологду и весь город.

По дороге в любимое многими село Богослово Романово-Борисоглебского района нам очень хотелось заехать на могилку старца Павла (Груздева), но из-за дорожных работ мы сильно задержались и не успели. Значит, приедем сюда еще раз!

Ночевали мальчики в купейном вагоне, который стоит в поле рядом с лагерной поляной.

Двенадцатый день начался с литургии, так как это было воскресенье. После литургии и завтрака все собрались в обратный путь. На следующий день была праздничная служба в Горетово — память свяennemученика Михаила Маркова.

Поездка закончилась, но воспоминания и впечатления останутся с нами навсегда.

Фотоотчет о поездке на 4-й обложке.

ПАМЯТИ ОТЦА ДМИТРИЯ

МИХАИЛ СМIRНОВ,
КОМПОЗИТОР И МУЗЫКАНТ,
ПЛЕМЯННИК БАТЮШКИ

Отец Дмитрий в первую очередь имел образование художественное, он был скульптор. И до последнего времени совершенно не был чужд миру искусства, любил музыку своего брата Ивана, приходил на папины концерты, у нас был семейный ансамбль: отец и мы с младшим братом. Отец батюшки, Николай Николаевич Смирнов, математик, тоже был композитором и музыкантом. Музыка всегда звучала и в доме детства Дмитрия и Ивана, и в моем детстве, музыка всегда была в нашей жизни.

Во многих интервью отец Дмитрий говорил, что учеба ему давалась легко и он школу закончил с одной тетрадкой. У него прекрасно было с математикой, он учился в математической школе. У него был очень цепкий ум, такой последовательный, логический, и он еще был психически очень уравновешенный человек, это важно для правильной оценки вещей, в том числе и научных. Он прекрасно понимал, что такое композиция, думаю, что и как психолог он был очень человеком тонким в силу особенного склада ума.

Я очень был близок с дедушкой и бабушкой, родителями отца Дмитрия, ближе, чем с ним, потому что он все время был занят, кипел созидательной энергией, все время что-то делал. Мы никогда не вели никаких богословских бесед, у нас в основном были шутки, такие теплые семейные отношения. Может быть, за всю жизнь только несколько моментов, когда мы просто садились и разговаривали. И я его воспринимаю через нашу семью вообще, в первую очередь мне многое в нем

понятно через его родителей: устройство жизни, отношение к ней, отношение к людям, отношение к делам.

Бабушка Людмила Александровна всегда говорила: «Слушайте, не давайте детям сидеть без дела, они должны всегда что-то делать». Если выходной, то этот выходной должен быть обязательно посвящен какому-то занятию, пускай это будет бассейн, гимнастика, хоровое пение, сольфеджио, музыка, математика — все, что угодно, лишь бы только не сидели на месте и, не дай Бог, не гоняли банки во дворе неизвестно с кем. Этим отец Дмитрий очень похож на свою мать. В свое время он сказал о ней, что она была таким локомотивом, ее невозможно было остановить, если она что-то задумала, она всегда доводила до конца несмотря ни на что. Ему передалась ее энергия и такая душевность и ранимость — может, немногие это замечали, но она в нем была, чуть-чуть тронешь, и он мог расплакаться. Не от обиды, конечно, у нас в семье никогда не было такого понятия «обижаться». Я не помню, чтобы обижался мой папа, я не помню, чтобы отец Дмитрий обижался на кого-то. Обиды как таковой, как феномена в принципе не было, можно было что угодно сказать кому угодно.

Не знаю, хорошо ли так говорить, но у меня была какая-то гордость за то, что у нас в семье все не так, как у других, и как-то тепло от этого. Мне всегда было радостны наши вечера, которые устраивали бабушка с дедушкой, потому что они полнились прекрасными людьми. Это были очень известные художники, и музыканты, и поэты, и галеристы, и ученые — творческий цвет интеллигенции. Все друзья моего деда, которые и до конца остались друзьями, сидели. Сам он был человек скромный,

очень тихий и мало говорящий, поэтому не загремел. И священство отца Дмитрия как бы украшало всех этих людей, все горело особенным огнем, теплом. Мне это было дорого и помогало находиться в советской среде, в советской школе, я чувствовал как будто воздушную подушку вокруг себя, которая не давала травмироваться слишком от того, что происходит вокруг.

Отец Дмитрий очень правильно назвал внутренней эмиграцией то, что у нас было. И конечно, это наполнилось Евангелием, литургиями, первыми моими исповедями, которые принимал как раз он.

Это было в деревне. В начале семидесятых годов можно было по дешевке купить дома, потому что многие из деревни уезжали, а интеллигенция, наоборот, заезжала в деревню. Отец Дмитрий с мамой и еще несколько православных человек из творческой молодежи стали искать место далеко от Москвы, где можно было бы спастись от советской косности, как-то вздохнуть, пожить по-своему. У них была конкретная цель, они хотели создать поселение, общину, которая бы максимально не соприкасалась с советским миром, и там вырастить нового рода семьи. Это можно сравнить с хиппи, но только под знаменем Спаса Нерукотворного. Русская природа, деревенские русские люди, настоящее русское лето, какие-то запахи, тогда еще были пастухи, выгон стада — все было наполнено особенным романтизмом. Литургия Преждеосвященных Даров, служившаяся отцом Дмитрием прямо в сених нашего дома, воспринималась так, как будто ты участвуешь в сказке. Это все было новое, заново возрождающееся Православие после длительной советской оккупации.

Отец Дмитрий как раз рукоположился, значит, это было от пяти моих лет и где-то до двенадцати. Становление и мое, и моих братьев и сестер прошло именно в деревне: воскресенье, исповедь как серьезный момент твоей жизни, какие-то первые волнения, после литургии Преждеосвященных Даров — самовар. Отец Дмитрий организовал наше культурное и духовное пространство, и у меня было доверие и к нему, и к его друзьям, я их воспринимал очень тепло, а не так, что это какие-то страшные бородатые дяди. Я видел, как они общаются, как они живут, и, кроме симпатии, это не могло ничего вызывать.

Отец Дмитрий очень мягко направлял и действовал, хотя всегда был остр на слово, достаточно строг и очень последователен. Всякое нытье с нашей стороны он пресекал, мы понимали, что в его присутствии мы не можем развалиться на диване, сказать, что кто-то кого-то обидел. Мы с его дочерью Машей ровесники и общались с ней чаще, чем с младшими братьями и сестрами. Когда приезжал папа, Маша как-то воодушевлялась. Помню такой случай, он сидит на террасе, а мы с ней что-то не поделили и она пошла ему жаловаться. Он посмотрел на нас, потом мне говорит: «Подойди». Я думаю, ну все, а с другой стороны, понимаю, что это не какой-то там дядя, я его просто чувствовал сердцем. И вот чувствую, начинается какое-то представление, и сразу же включился, хотя и побаивался. Он говорит: «Маша, ты знаешь, где сени? Как пройдешь до конца, там лежит топор. Принеси мне его, пожалуйста». Даже голоса не повысил, просто: «Давай быстрее, я жду». Маша в недоумении идет, нашла какой-то топорик, приносит на террасу. Отец Дмитрий кладет меня на стол и говорит: «Возьми топор, руби ему голову». Маша топор роняет и в слезы: «Я не могу, я не хочу». — «Почему не хочешь? Значит, ты его любишь?» — «Да, я люблю, я не хочу, чтобы ему было больно». — «Ну вот, раз любишь, больше не жалуйся на него». С тех пор как отрезало. Он просто как туман рассеивал эти отрицательные эмоции, и мы с Машей вообще никогда не ссорились, я просто не помню такого момента.

Наш деревенский дом, купленный у крестьянской семьи, был построен после войны, в сороковых годах. Изба нового типа, советская, крыльцо, терраса, на террасе голубок в центре козырька и по бокам две звездочки пятиконечные. Отец Дмитрий сделал так, чтобы они стали трехконечными, то есть по-

лучилось два креста, а голубя перевернул головой вниз, как символ Святого Духа на Царских вратах. И всем стало от этого как-то тепло и приятно. Перевернуть вот так с ног на голову советский уют и превратить его в новую жизнь — в этом был весь он.

Я не помню, чтобы он сидел или лежал. Всегда, когда он приезжал в деревню, сразу начинал строительство, строил какие-то невероятные беседки, поднимал заборы, все время слезы таскал, чего-то строгал, пилил — такой Петр Алексеевич, хотя его не очень любил. Один раз только, помню, он прилег отдохнуть на той же террасе. Там была чугунная высокая кровать, у нас все на нее периодически заваливались, и библиотека — на подоконниках лежали всякие книги. Чтобы не просто так лежать, он машинально берет книжку — «Бесы» Достоевского. Полистал, полистал, положил, потом берет следующую — «Письма Баламута» Льюиса. Кладет ее, берет третью книгу — «Эликсиры сатаны» Гофмана. Он бросает ее в сторону, говорит: «Слушайте, что у вас тут происходит?» Вот такая шутка. Наша философская беседа в первый и последний раз.

Потом он уехал, но часто приезжал, потом в силу своей занятости стал приезжать реже, реже, и началась другая жизнь. С появлением православных СМИ, которое во многом он сам инициировал, он начал выступать на телевидении, вести радиопередачи, много ездить, участвовать в общественной жизни, хотя он и всегда участвовал в общественной жизни, и мы по нему скучали, потому что стали его реже видеть. Все-таки раньше он чаще бывал на наших семейных собраниях, праздниках, а теперь если и появлялся, то кратко. С другой стороны, мы понимали, что он занят делом, наверное, более важным, чем просто посидеть попить чайку в компании родных людей.

Мы на него ориентировались, держались за него и сейчас, когда его не стало, особенно почувствовали этот удар. Мы были уверены, что этот корабль будет всегда им управлять, были как-то спокойны, немножко впали в блаженный сон, потому что он всегда был защитником, всегда принимал первый удар на себя. Конечно, глядя на то, что происходило на отпевании в храме Христа Спасителя, многие заново ощутили его такое величие и особенности его служения.

Его приход в Церковь пятнадцатилетним подростком произошел спонтанно и был инициирован матерью. Няня не могла пойти на освящение куличей в храм Ризоположения на Донской улице, и мама сказала: «Ну раз некому идти, ты уже взрослый, иди сам». Он пошел, поучаствовал в освящении куличей,

и ему настолько понравилось, что на следующий год уже сам попросился пойти, взял с собой брата, и с этого началось его сознательное воцерковление. А бабушка никогда ничего не запрещала никому, единственное только предостерегала, говорила, что лучше не надо с плохой компанией связываться, потому что это закончится так-то и так-то. А чтобы что-то запрещать: нельзя это говорить, нельзя так вот чувствовать, нельзя так одеваться и так далее, — такого не было никогда. В этом смысле наша семья была очень свободная: если хочешь, ну пожалуйста, главное, заниматься делом — а какое это дело, если оно достойное и хорошее, то почему бы нет.

Прадед отца Дмитрия, Василий Павлович, стал священномучеником. Об этом он узнал гораздо позже, уже когда был сам священником. Много открывалось по ходу его служения. Буквально в последние двадцать лет благодаря тому, что Маша начала вести просветительскую работу, стало многое известно о наших предках. Вспоминаю со слезами на глазах, потому что это всегда открывалось неожиданно и чудесно.

В советское время КГБ активно участвовало в жизни Церкви, и храмы давали диаметрально противоположные месту жительства священника, для того чтобы он меньше времени тратил на общение с прихожанами. Поскольку отец Дмитрий жил тогда на Мичуринском проспекте, соответственно его после рукоположения с юга послали на север, в Крестовоздвиженский храм в Алтуфьево. Со временем он узнал, что это родовой храм нашей семьи, где служили поколения Смирновых. Был только один перерыв: Василий Павлович рано осиротел, поэтому не успел заменить на этом посту своего отца, храм как бы потерялся и вернулся потом к отцу Дмитрию. Он узнал об этом случайно от своей двоюродной бабушки — дочери священномученика Василия. Он поехал к ней, чтобы поинтересоваться историей семьи, и спросил: «А вы помните, где служил ваш отец?» Она говорит: «Ну, есть такая деревня Алсуфьево и там Крестовоздвиженский храм на берегу пруда». — «Знаете, я там служу».

Отец Дмитрий, как я сейчас для себя определяю, был гений русского священства, русского отношения к христианству, русского Православия со всеми вытекающими отсюда аллюзиями и ассоциациями. У него все было полно трепетным отношением к русской истории, к русской литературе, русской музыке, к русской культуре вообще, той, которую старались уничтожить в советское время и не смогли. Он был очень ярок в своем про-

явлении такого именно имперского отношения, такой боли за народ. Он всегда ревновал за своих, за русскую семью в каком-то даже мистическом, космическом ее понимании: русская семья, русская культура, русское слово, жития святых, святыни, храмы, которые он восстанавливал. Он всегда интересовался историей, всегда интересовался тем, кто служил, что это были за люди. Пытался как бы навести дома порядок: поставить иконы в красный угол, положить плат белый и зажечь лампадку. В этом был уют и такое его откровение, поэтому его и любили.

Богатырь иногда рубит сплеча, и у отца Дмитрия это было, но он рассчитывал на то, что у человека есть чувство юмора, он понимает этот юмор и ему сочувствует. А это не всегда было так из-за того, что люди разной культуры. Иногда мне доводилось успокаивать знакомых и друзей, объяснять им, потом я уже перестал объяснять, потому что тех, до кого дойдет и кого спасет его слово, все равно было больше, чем тех, кто обидится, а на обиженных, как говорится, воду возят. Мы могли только в шутку что-то там ему указать, сказать, а вот помнишь, ты это сказал. Он говорил: «Ну да, был такой момент, что надо было так сказать».

Отец Дмитрий был личностью. Собственно говоря, любой гений, не побоюсь его так назвать, тем и интересен. Если бы он не имел яркой харизмы, яркой индивидуальности, он бы не был гением, наверное. Возьми в любой области, Эйнштейн например. Это всегда некий радикализм и свой особенный путь, с которым согласны, конечно, далеко не все.

Пастырь как пастух, он ответственен за пасомых. А поскольку он не просто пастух, а пастырь духовный, то есть ответственен за души, его задача — привести максимум к нему обратившихся, доверяющих ему душ ко Христу, что он всей своей жизнью делал ярко, бесстрашно и доблестно.

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА СИДОРИНА,
ДИРЕКТОР ДЕТСКОГО ДОМА
«ПАВЛИН»

Отец Дмитрий очень любил детей. Есть одно его выступление, процитирую близко к тексту: «Что такое счастье? Я за свою жизнь построил несколько храмов, еще столько же восстановил, прочитал тысячу лекций, провел сколько-то тысяч радио- и телепередач, прочитал множество книг и написал тоже немало, но ничего счастливее, чем забота о детях, нет на этой земле и быть не может». Это дей-

ствительно так, и эта существеннейшая сторона его жизни мало известна людям внешним.

Мы с журналистами общались, так вот они мне говорят, что в миру батюшка больше известен своими скандальными заявлениями. Да потому что он там воевал! Церковь-то наша воинствующая. Известно, что однажды отец Иоанн (Крестьянкин), которого отец Дмитрий очень любил, так и воскликнул: «Слава Богу, вспомнили, что наша Церковь воинствующая!» Может быть, он отца Дмитрия на эти сражения за слабых и благословлял.

Детский дом «Павлин», хотя наш приют был у батюшки далеко не единственный опекаемый им, — это была его жизнь. Очень сложно говорить о том, что для человека естественно. Это все равно что дышать воздухом — вот так батюшка жил жизнью всех наших детей. Он очень любил у нас бывать. После тяжелых дней, встреч, колоссальной нагрузки, которую он нес, он просто вырывался к нам, и хотя с нашими детками тоже бывает непросто, порою батюшке за них даже в суде приходилось представлять, но он очень и очень любил детей. И для него встретиться с детьми — это всегда была отрада.

У нас есть маленький мальчик, Артем, который пришел к нам полгода назад. Но так как он совсем еще малыш, а церковная лексика ему и вовсе незнакома, то слово «батюшка» у него так и ассоциировалось со сказками. Поэтому, когда он впервые увидел того, кого у нас все так ждали, переговариваясь: «Батюшка приедет! Батюшка едет!», он вышел навстречу отцу Дмитрию и так и сказал: «Царь-батюшка». «Это наш царь-батюшка, — пояснил, — приехал». Это так по-доброму, так сказочно. Да, для нас наш сказочный отец Дмитрий таким вот царь-батюшкой был. Это, знаете, как есть царь-колокол, царь-пушка... А еще и царь-батюшка — самый лучший и важный для нас.

Все об отце Дмитриии как о таком человеке-глыбе говорят. А видели бы вы, как он умел сприклоняться к детям! Как же он исповеди у них принимал! Когда подходили дети, он просто менялся в лице. Всегда улыбался. Это такой победный настрой. И батюшка его передавал — особенно детям. Кто-то же у нас и из неблагополучных семей — а батюшка им давал такой заряд: все получится, все будет хорошо, все одолеем. Благословляя после исповеди детей, он обязательно обнимал каждого. Точно в сердце, вот так обнимая всем собой, каждого этого человечка принимал. На исповеди он всегда привлечет к себе малыша поближе — чтобы как-то согреть, успокоить его. Внимательно во все вникал.

Дети многое ему и сами рассказывали, что-то батюшка спрашивал у меня. Интересовался судьбой каждого ребенка: как он к нам попал, что у него в семье приключилось. На «Спасе» кто-то в студии вспоминал, что он видел батюшку плачущим в келье отца Иоанна (Крестьянкина). Да я батюшку все время плачущим видела — плачущим по детям, потому что они попали в такие жизненные ситуации, что и не каждый взрослый перенесет. Сердце батюшки просто разрывалось, оно было настолько чувствительно ко всему, что касалось детей, что он плакал постоянно. Вот только начинаешь рассказывать, а у него слезы уже на глаза наворачиваются и потекли. Насколько он был добрым и ранимым. Он никого из поля зрения — мысленного, сердечного — не выпускал: «А этот как? А тот?» — по именам всех перебирая. Для нас батюшка так и остается домашним, родным, любимым — и очень доступным всегда. Приходит, тапочки надевает, в креслице садится — очень домашний такой, свойский — отец! Души добрейшей, человеколюбец.

Вот попал к нам мальчик в детский дом. Семья многодетная, непьющая, но у них не было жилья. Так батюшка включился в эту проблему, через свой блог собрал денег, дом им купили в Сергиевом Посаде — в самом сердце Православия. Возвращаем мальчика в семью, а он мне звонит на следующий день: «Наталья Владимировна, забери меня обратно». Он у нас до этого пробыл полтора года, и тогда ему уже лет десять было. «Может быть, ты отвык? Давай недельки две, — говорю, — пождем, адаптируешься».

Но он позвонил снова. Я приехала к ним на выходные. Дом-то купили, а ни одного предмета мебели нет, все пусто, тюфяк какой-то на полу, где они все спали. Игрушек, книжек никаких. Еще двое крох на полу просто в гвоздики какие-то играют. Мы на время опять и этого мальчика, и малышей-братиков к нам в приют взяли. Мама — тоже выпускница детского дома, и как обустроить, видно, навыков не было. Отец Дмитрий им тогда и с обстановкой помог. И после уже младшенькие к папе с мамой вернулись. И все дальше у этой семьи хорошо пошло, на ноги встали — просто надо было на том этапе им помочь.

Мы до сих пор с ними созваниваемся, переписываемся. А старшему мальчику уже и восемнадцать исполняется. Нашел себе невесту, даже к батюшке знакомиться ее уже приводил, брали они благословение на брак и так надеялись, что батюшка их обвенчает... «Как будет не хватать его присутствия, его благословений, советов, — говорит. — Как я хотел,

чтобы отец Дмитрий вел, окормлял нашу семью...» — «Батюшка всегда рядом», — отвечаю.

Уже в день кончины батюшки у нас первое чудо произошло. Мне сообщили утром о его смерти... А для нас батюшка был всем: и кормильцем, и заступником... «Как же, — думаю, — мы будем жить-то без него?» Наш детский дом негосударственный, мы не получаем никакого финансирования, живем только на пожертвования. Не скажу, что у меня все мысли упирались в это, думаешь, конечно, о батюшке, как он сейчас, как его душа, — но и о детях я не думать не могу... И вот как ответ на эти мысли тут же звонит директор одного из магазинов «Детский мир» — тот, за которым наш приют закреплен. Но дело в том, что они и так где-то на отшибе расположены, там у них не много покупателей бывает, а в последнее время и вовсе ничего почти продавать не удавалось, чтобы и нам еще как-то помочь... А тут голос у нее радостный такой: «Вы не можете подъехать забрать коробки с помощью?» — «Я же была у вас на прошлой неделе», — говорю (просто заехала по пути, но практически ничего тогда у них не было). «Да, — отзывается, — но сегодня утром ТАКОЕ произошло! Только мы магазин открыли... Заходит мужчина. «Мне ничего не надо, — говорит. — Я могу купить ваши товары для детского дома?» У меня почему-то первый вопрос вырвался: «А как его звали?» Наверно, Дмитрий — в голове пронеслось. Но имени она его мне не сказала, а просто сообщила, что он все тележки товаром загрузил, на две кассы пробивали. «Приезжайте, — предупреждает, — на большой машине!» Это батюшка нас просто сразу же вот так подбодрил, чтобы мы и заунывать не успели! Слава Тебе, Господи!

Он и своих-наших приютских мальчишек всегда отзывчивыми растил. Воинами, патриотами, мужчинами, отцами. Спортом ребята много занимались. Обязательно все воцерковлялись. Батюшка радовался всем победам мальчишек — в соревнованиях, на олимпиадах. Когда отец Дмитрий приехал к нам уже после больницы, ребята из старших с такой осторожностью и почтением поднимали его в инвалидном кресле в дом, на второй этаж — в его комнату. В последний раз он был у нас на Рождество Пресвятой Богородицы, ровно за месяц до своей кончины. После службы была праздничная трапеза. У нас такая традиция уже за много лет сложилась, что в этот праздник мы всегда все вместе с батюшкой собирались и смотрели наш домашний фильм о каждом очередном прошедшем лете.

И вот сидим мы так за столом, что-то обсуждаем... И вдруг обратились к нему: «Что вы

ЛЮБОВЬ АЛЕКСЕЕВНА ФРОЛОВА,
СВЕЧНИЦА
БЛАГОВЕЩЕНСКОГО ХРАМА

Нечестивый бежит,
когда никто не гонится за ним;
а праведник смел, как лев.

Книга Притчей Соломоновых, 28:1

думаете о том-то?» — «Я ничего не думаю, — отвечает он, — я перед судом уже стою». Он действительно очень серьезно готовился к переходу в вечность. Уже не так бурно, как ранее всегда, с детьми общался. У него, конечно, и сил уже было меньше, но дело не в этом, а в какой-то внутренней его уже собранности, работе над собой. Детей он как любил, так и продолжал любить. Уже буквально за несколько дней до кончины я спросила: «Что можно было бы сделать для вас? Чего вы больше всего хотели бы?» — «Оказаться в детском доме», — отвечает.

Здесь всегда он находил с детьми какое-то успокоение. Дети его облепят, кто по бороде гладит, кто в нагрудном карманчике что-то перебирает, другой шепчет на ухо — батюшка просто среди малышей млел. Глаза у него тут всегда горели, какая-то под конец посещения даже хулиганская уже улыбка была. Он очень всех ребяток любил. На прощании у нас один очень уж активный мальчишка подошел к гробу... А я потом и спрашиваю у него: «Ну что? Попрощался?» — «Да, я приложился к батюшкиной голове, и он мне прошептал...» — «Что?!» — «Веди себя хорошо». Так что батюшка не оставляет нас. Вот у меня спрашивали на днях: «Кто же у вас будет теперь духовник детского дома, детей?» Да батюшка и так нам спуска не даст. К тому же он оставил нам огромное наследие своих проповедей. Все ориентиры уже заданы там. Бери — исполняй. Мы знаем, куда идти. Для каждого из ребят он так и останется в сердце духовным отцом. Духовники будут. А отец — один.

Вскоре после его смерти совсем крошечный наш воспитанник у меня спрашивает: «А батюшка уже проснулся?» — «Нет, — говорю, — батюшка умер, он уже не проснется». — «Я бы за батюшку умер», — говорит вдруг этот малыш. «Что ты имеешь в виду?» — «Я бы умер, — так и поясняет, — лег бы в могилу за него». — «А почему ты так говоришь?» — «Потому что я хочу, чтобы он жил, я готов умереть, чтобы батюшка оставался живой».

Почти все, кто знал отца Дмитрия, отмечают смелость, масштабность, глобальность его личности. И это воистину так. Вот и мне, прежде чем я начала писать о нем, на ум пришли строчки из Маяковского: «Мир огромив мощью голоса, иду красивый»... тридцатитрехлетний — примерно в этом возрасте он вошел в мою жизнь. Игумен Иов (Кузьмин), недавно покинувший этот мир, назвал его не человеком, а явлением природы. И в самом деле, где бы он ни появлялся, он заполнял собою все пространство. Прочим оставалось либо вписываться, либо, не вписавшись, ощущать дискомфорт. Не всем, скажем прямо, он был ко двору, вспомним хотя бы юбилей радиостанции «Дождь».

...Юбилейный концерт батюшкиного брата, гитариста Ивана Смирнова. Зал полон, но будто кого-то не хватает. Друг Ивана балалаечник Алексей Архиповский играет одну из своих замечательных композиций, словно на наших глазах рисует картину яркого весеннего дня. Поначалу слышны нежные искрящиеся всплески дождевых капель и шум легкого ветерка. Постепенно шум ветра нарастает. И вот уже тревожные громовые раскаты сжимают волнением душу. Кульминация затягивается. Музыкант так наполнил и переполнил нас своей музыкой, что дочь говорит: «Мам, у меня сейчас сердце не выдержит...» Не успел отзвучать последний аккорд, в зал заходит батюшка и как-то очень гармонично вписывается в еще не растворившийся «пейзаж». Вот теперь — полнота и умиротворение.

Батюшку даже животные почитали. Застолье в честь престольного праздника. Батя — во главу угла. К нему пробирается местная вездесущая кошка Муська и бросает к ногам пойманную мышь. Мгновенная реакция: «Знает, кто хозяин в доме».

Его мама Людмила рассказывала: школа, выпускной, всем ребятам при вручении аттестатов зрелости просто хлопали, когда же на сцену вышел Митя, весь зал не только взорвался аплодисментами, но и затопал ногами. А когда батюшка начал появляться на телевидении, становиться публичным лицом, она не без гордости и с чисто смирновским юмором назвала его поп-звездой. О семейном юморе

свидетельствуют и домашние прозвища. Светлоголового Лешу звали Белинским, а темно-волосого Ваню — Чернышевским. При своей любви к Федору Михайловичу я одно время делила людей на почитателей либо Достоевского, либо Толстого и как-то спросила отца Димитрия о его предпочтении. Он впрямую не ответил, а предложил вспомнить его имя и имена братьев.

Для меня батюшка — весенний человек. И не только потому, что у него день рождения в марте, а день Ангела в мае, а еще и потому, что с ним в наш дом входили любовь и радость. Он венчал троих моих детей. Никто из них не развелся, и у всех растут дети и детки. Когда же был праздник у самого батюшки, я старалась поздравить его как-нибудь нестандартно, уж очень он не любил официальщину и казенщину. Это часто были стихи, которые писались легко и весело:

*Эх, подарить бы дождь грибной,
И радуги изгиб,
И на полянке озорной
Во мху сидящий гриб.*

*Но я отнюдь не Пастернак,
Чтобы вещать вот так.
Не Кант я, а скорее Конт.
А потому примите зонт —
Позитивизма знак —*

как-то за умничанье не к месту батюшка обо-звал меня Кантом, отсюда эти строчки.

Если вернуться лет на тридцать с лишним назад, то вот что вспомнилось. К нам на дачу муж моей сестры Володя, староста Иверского храма на Большой Ордынке, привез вместе с какими-то стройматериалами священника. Они торопились, поэтому быстро разгрузились и быстро уехали. Мой отец — бывший фронтовик, бывший секретарь парторганизации шелкового комбината, член партгосконтроля при ЦК КПСС — после их отъезда ворчал: «Вот только попов нам здесь для полного счастья не хватает». В следующий приезд они знакомятся, и батюшка за столом рассказывает что-то умно-интересное. Отец с ехидцей: «И откуда вы такой умный?» Батюшка парирует: «В шахматы регулярно играю». А при расставании берет члена КПСС в охапку, благо отец был вдвое меньше его, и кружит, как малого ребенка, приговаривая: «Обожаю ветеранов». Отец, конечно, не долго хорохорился и вскоре сдался в плен батюшкиной харизме. Потом не раз подвозил его на своей машине с дачи в Москву, а самое-то главное, через некоторое время сдал свой партбилет (еще до Ель-

цина) и начал ходить в ближайший к нашему дому Новодевичий монастырь, где его и отпевали. Батюшка даже посетовал, дескать, что же меня не пригласили на отпевание. Но зато на девятый день, на Покров, послужил по нему панихиду.

Кроме наших с сестрой мужей помогал отцу Димитрию строиться мой старший сын, только что вернувшийся из армии. Была у батюшки пила-болгарка, она-то и нанесла сыну травму, после чего я набросилась на батюшку: как же он, взрослый мужчина, недоглядел и подверг моего ребенка такой опасности? Он из армии вернулся невредимый, где даже с парашютом прыгал, а тут... и т.д. Батюшка, как двоечник перед учительницей, стоял, опустив голову. Спустя какое-то время, обнаружив, что кости на руке целы, да и рана небольшая, я пришла к нему повиниться. «Ничего, ничего, тебе простительно, ты мать».

Позже он и сам пострадал от этой же болгарки: ему перерезало сухожилия на руке. Хорошо, что наши с сестрой мужья были рядом и доставили раненого в больницу. Пока ехали, он все повторял: «Это мне по грехам. Как же я теперь смогу Чашу держать?» В больнице, когда хирург оценил масштаб бедствия и сказал: «Сейчас сделаем анестезию и все аккуратненько зашьем», батюшка начал возражать: «Не надо анестезии. Зашивайте живьем, я потерплю».

На отпевании в храме Христа Спасителя владыка Пантелеимон говорил о смирении отца Димитрия Смирнова (специально выделяю его фамилию). Вот к вопросу о его смирении и скромности. На той же даче батюшка как-то остался ночевать. Моя мама отправила его спать на второй этаж, чтоб ему никто не мешал. На следующий день обнаружилось, что все белье и даже матрац сильно влажные: накануне был дождь, а крыша подтекала. Батюшка же утром, поблагодарив, ушел. Хоть бы слово сказал.

После рождения третьего ребенка я уже не вернулась на прежнее место работы и напросилась к батюшке в храм. Вот иду как-то по митрофаньевскому саду и слышу окрик: «Люб, зайди ко мне». — «Некогда мне, батюшка, дела». На следующий день встречаю его там же. Иду навстречу, улыбаюсь. Он мимо меня. Я забегаю вперед: «Батюшка, здравствуйте». Ноль эмоций. И третья попытка обратить на себя внимание оказалась неудачной. На третий или четвертый день: «Батюшка, простите, что сразу не дошло». — «Долго же до тебя доходит».

На первой исповеди, изучив брошюрку «В чем каяться», я как по-писаному отбара-

банила все свои и чужие грехи и победно подняла глаза. «Я понял, что ты грамотная и умеешь читать. А где исповедь?» Не сразу до меня доходило что к чему. В другой раз от рыданий я толком ничего не смогла сказать на исповеди. «Вот, другое дело».

Я работаю свечницей в Благовещенском храме. Идет венчание. За свечным ящиком глухая бабуля громко задает вопросы. Нам с коллегой Евгенией приходится ей так же громко отвечать. Настоятель раз цыкнул на нас. Потом какой-то гражданин начал шуметь. Отец Димитрий второй раз уже громче сделал нам замечание и велел после венчания к нему подойти. Женя мне: «Иди ты, я боюсь». Беру плитку шоколада и иду к машине: «Батюшка, не велите казнить. Я вам взятку принесла». — «А у тебя еще есть? Еду в многодетную семью». И никакой выволочки. Юмор сработал.

Еще про взятку: импозантная дама жертвует очень красивую брошь. Передаю ее батюшке, а он: «Возможно, пригодится для решения важного вопроса. Сейчас еду в мэрию».

В свой день рождения я обычно устраиваю для гостей развлечение в виде загадок, веселых конкурсов. Батюшка с удовольствием участвует вместе со всеми. В конце вечера победители получают призы. Батюшкин сувенир, как сейчас помню — домашние шлепанцы, оказался какой-то уж очень невзрачный. «Что мне для вас, батюшка, сделать хорошего, чем ублажить, что вы хотите?» — «Эх, Любаня, я бы сейчас поспал, — говорит он мечтательно, — от хорошего сна, говорят, еще никто не умирал...» А 1 ноября на дне памяти батюшки отец Валериан Кречетов заметил, какого огромного умственного напряжения и самоотдачи требуют подготовка и произнесение ярких проповедей, подобных про-

поведям батюшки, тем более произносимых на разных площадках и перед самой разнообразной аудиторией.

Батюшкина непредсказуемость всегда меня удивляла. Много лет назад он называл меня «Любовь до гроба». Я ему как-то: «А дальше?» — «А дальше каждый сам за себя».

Мой муж, который был у батюшки шофером, подвез его, чтобы забрать дочь из школы. Маша пожаловалась на постоянно обижающего ее одноклассника. Когда обидчика подвели к отцу, он внушительно и членораздельно произнес: «Видишь вон ту белую стеночку? Еще раз подойдешь к моей дочери, я тебя по ней тоненьким слоем размажу. Понял?» Тема была закрыта.

Стоим на улице, разговариваем. Подходит неустойчивый бомжеватого вида мужчина. «Отец, дай денег купить нормальный крест бедному христианину». Достает из-за пазухи и показывает алюминиевый крестик. Батя достает ему свой, примерно такой же, на веревочке: «Может, ты мне денюжат подбросишь?»

Можно долго вспоминать нашего непредсказуемого, любвеобильного, радостнотворного отца-настоятеля. Вот только последний эпизод. 9 сентября 2020 года. Музыкальное кафе. День рождения и день памяти Ивана Смирнова. Звучат его композиции в исполнении сыновей, Михаила и Ивана-младшего. Вместе с отцом Димитрием за столиком его племянники и мои дети. Дочь рассказала, что батюшка не столько слушал, сколько долго и ласково смотрел на всех, будто прощался. Немного посидев, всех поочередно горячо обнял и уехал.

Батюшка, батюшка... Вам — Царствие Небесное. Это ясно. А нам-то как теперь без вас? Без вашей душевной широты, без вашей любви, а значит, без вашей непоколебимой веры, явленных так ярко и обильно?!

Отец Димитрий не раз в проповедях говорил: чтобы окончательно уверовать, надо хотя бы раз в жизни увидеть истинно и глубоко верующего человека. Мы счастливые. Мы его видели. Мы ему очень благодарны...

На десятый день после батюшкиной кончины сын вдруг вспоминает, что забыл мне передать привет от него. В том самом кафе, разговаривая с ним, батя дважды или трижды ему об этом напомнил. Слава Богу, он вспомнил и передал этот последний привет, будто от живого. Сердце затрепетало одновременно и от радости, и от боли. Значит, есть связь. Ее не может не быть с нашим дорогим, очень дорогим и незабвенным отцом Димитрием, ибо *ве-е-ечная па-а-мать*. ВЕЧНАЯ.

Таких проявлений бесконечно много. Вот двое говорят в повышенном тоне, может быть, даже ругаются, а кто-то посторонний пришел — сразу приумолкли или перевели разговор на другую тему с целью опять-таки произвести впечатление, причем впечатление заведомо ложное. Другое дело, если ты, будучи злым, или грубым, или нервным, стараешься быть вежливым и дома, и на работе, и в транспорте, то есть ты сдерживаешься, трудишься, хотя вроде бы и лицемеришь. Но и в транспорте, уступая кому-то место, человек тоже лицемерит, редко чтобы кто-то с любовью уступил место. Но если он делает так всегда, это замечательно, это значит, что он трудится над своей душой. А если он это делает, чтобы произвести впечатление на тех, кто с ним рядом оказался, то это уже лицемерие, хотя внешне действие одно и то же. Почему Господь сказал беречься лецемерия? В чем тут опасность для души? В том, что человек начинает жить двойной жизнью, а угодить двум господам невозможно — так же, как невозможно работать на две разведки, ничего не выйдет, обязательно попадешься.

Второе сегодняшнее Евангелие говорит практически о том же. *Один человек сделал большой ужин и звал многих. Ужин — это Царствие Небесное, или Божественная Евхаристия, это одно и то же, а человек — Сам Господь. И когда наступило время ужина, послал раба своего сказать званым: идите, ибо уже все готово. И начали все, как бы сговорившись, извиняться. Первый сказал ему: я купил землю и мне нужно пойти посмотреть ее; прошу тебя, извини меня. Другой сказал: я купил пять пар волов и иду испытать их; прошу тебя, извини меня. Третий сказал: я женился и потому не могу прийти. И, возвратившись, раб тот донес о сем господину своему. Тогда, разгневавшись, хозяин дома сказал рабу своему: пойди скорее по улицам и переулкам города и приведи сюда нищих, увечных, хромых и слепых. И сказал раб: господин! исполнено, как приказал ты, и еще есть место.*

Эта притча описывает извечную ситуацию: Господь зовет всех, а люди под разными предлогами отказываются. Господь перечислил только три причины, хотя их бывает много, но вообще-то причина, почему человек не идет к Богу на пир, всегда, конечно, одна: человек не хочет, в его иерархии ценностей есть вещи, которые гораздо важнее, чем Царствие Небесное.

К Царству Небесному можно стремиться только по вере, а у большинства людей такой веры нет, поэтому призыв Господа для них чисто теоретический, а собственные интересы, занятия, которым они уделяют свои силы и время, реальны, конкретны и близки. Самый наглядный пример — нищие у церкви. Вот стоит человек у храма и собирает деньги. Казалось бы, зайди внутрь, поинтересуйся, чего это люди сюда ходят, что они здесь делают. Но нет, то, что у него звенит или шуршит в руке, ему гораздо ближе и понятнее, чем то, что происходит в двух шагах отсюда, поэтому он может так десятилетиями милостыню просить, а в храм не идет.

Царствие Небесное человеку неинтересно, и он выдвигает какие-то, на его взгляд, очень разумные доводы: вы знаете, я еще не готов, мне еще надо подумать, я должен к этому прийти сам — как будто кто-то предлагает его на руках отнести. Или еще какие-то важные причины: землю купил — как будто эту землю в понедельник унесут и надо ее прямо сейчас посмотреть. Почему так происходит? Потому что земля — это мое. Есть такое сладкое слово «недвижимость», от которого человек приходит в упоительный восторг. Хотя немножко тринитротолуола под угол подложил, и эта недвижимость спокойно летит в воздух, как и всякая движимость, как воздушный шар. С землей чуть проблематичнее, но и ее можно так перевернуть, что, чем ее в оборот пустить, легче новую купить.

Или часто бывает, что заболел какой-то человек и возникают проблемы: кто бы с ним посидел, кто бы поухаживал, а если он совсем немощной, кто бы его покормил. Но стоит ему помереть, глядишь, откуда-то из-за Урала приезжают родственники, тратят большие деньги для того, чтобы отметиться. А некоторые прямо падают на гроб, начинают кричать какую-то несуразицу: «На кого ты меня оставил?!» Что значит на кого? С кем ты жил, с тем ты и будешь жить, все конкретно. Если не знаешь, если ты так забыл от горя, посмотри домовую книгу, кто там у тебя вписан. Человеку нужно произвести впечатление: ах, как он его любил, даже триста рублей истратил на дорогу, чтобы на поминках выпить. А все-таки любовь предполагает, чтобы ты приехал к тому, кто болен, побыл с ним эти последние дни, проявил какое-то участие, помог.

К сожалению, люди в основном стремятся отделаться чем-то для себя таким простым, чтобы не тратить свою душу, и на самом деле несут большой урон. С душой так же, как и с телом. Чем больше тело упражняется физически, тем оно здоровее и менее подвержено болезням, а чем оно неподвижнее, тем больше проблем возникает. Так и душа: чем она больше упражняется в любви, в добре, в служении ближнему, тем делается способной на большее. А если человек стремится только душе своей доставить радость, удовольствие, она настолько черствеет, приходит в такое унылое состояние, что ее уже ничего не радует. И в этом кроется большая опасность, человек начинает искать радость в заменителях и, конечно, попадает в беду, потому что все эти заменители разрушают и тело, и душу, вводят в еще большую тоску. Человек не только в вечности постепенно готовит себе ад, но и здесь, на земле, этот ад выстраивает и страдает от этого сам. Путь к этому идет через саможаление, нежелание искренне послужить ближнему, понудить себя на добро, расширить свое сердце, чтобы там была не только любовь к себе, но хотя бы для начала еще к кому-нибудь одному, потом к двум, потом к трем — и тогда это дает радость.

Господь говорит: *Без Меня не можете творить ничего*. Если нам и удастся сделать что-то доброе, то это исключительно с помощью Божией. Когда человек понуждает себя на добро и это понуждение, это проявление воли к добру, к любви, направленной к ближнему, реализуется и имеет успех, это делается благодатию Божией. И присутствие благодати Божией естественно дает подлинную радость. А когда радость отходит, значит, отходит и благодать Божия. Поэтому путь к подлинной радости, к такой настоящей, не искусственной, не суррогатной, он единственный — это путь к благодати Божией.

Но в силу того, что люди не верят Богу, надеются на что-то свое, получается,

❖ что они сами себя обкрадывают. Поэтому мы должны смелее идти по пути заповедей Божиих и не жалеть себя, тогда у нас и сил прибавится, и возможностей. Вот представим себе спортсмена, который хочет стать олимпийским чемпионом и жалеет себя на тренировке. Ну и чего ты тогда достигнешь? Нет, надо стараться изо всех сил, насколько можешь, до максимума, не во вред здоровью, конечно, потому что можно надломиться. И если почестному, безленостно стремиться, тогда будет эффект.

❖ А если мы ленивы, у нас не хватает воли, нам мешают дурные навыки, то по крайней мере не надо себя выдавать за того, кем ты не являешься, потому что такое лицемерие из всех наших качеств наиболее отвратительно для Бога и является одним из серьезнейших препятствий для благодати Божией в нашем сердце. Поэтому нужно стараться всячески этого избегать, всячески это в себе изживать, стараться никогда не изображать из себя то, чего в тебе нет, иначе это приведет к очень большим искажениям и духовной жизни, и всего строя нашего бытия. Господь подбирает иногда очень горькие лекарства, чтобы такого человека спасти. Самое трудное, то, что для человека непереносимо, — это когда его вслух обличают. И, чтобы вырвать фарисеев из этого страшного состояния, Господь их обличал, прямо говорил им очень суровые слова: *Горе вам, фарисеи*.

❖ Фарисейство — свойство абсолютно каждого грешного человека. У меня был знакомый иеромонах, и он всегда на день мытаря и фарисея с большим чувством всех поздравлял с днем Ангела. Видя его лучезарную улыбку, люди понимали, что это шутка, но к этой мысли как-то еще и еще раз возвращались. И нам надо тоже об этом не забывать. Одно дело в грехе жить, его преумножать, а другое дело все-таки его проявление в себе стараться с помощью Божией истребить. Помогите нам в этом, Господи. Аминь.

ИЗ БАТЮШКИНЫХ ПРОВЕДЕЙ

Ничто не должно от нас заслонять Бога, ни человек, ни предмет, ни какое-то занятие. В нашей жизни Бог должен быть на первом месте. Ни дача, ни работа, ни друзья — ничто, а только Бог. Пока этого нет, ни о какой духовной жизни речи быть не может.

Только тот, кто научился общаться с Богом здесь, на земле, будет продолжать общаться с Ним и там, в Царствии Божиим.

Если представляется случай сделать кому-то добро, надо ни в коем случае эту возможность не упускать, а с радостью ее использовать.

Христос хочет, чтобы мы количество света в мире увеличили. А для этого надо загореться самим — вот как свеча от свечи загорается, так и мы должны благодатью Божией, которая содержится в Церкви, зажечь свои сердца.

Надо всегда помнить, зачем мы живем на свете, для чего мы крестились, для чего мы читаем Евангелие, — никогда не терять из вида смысл своей жизни. Мы все должны работать Господу. У нас должно быть все для Господа.

В чем наш грех заключается? В том, что сердце наше каменное, нечувствительное, несочувственное, мы не сочувствуем чужому горю, все настаиваем на своем. И цель нашей жизни — сердце умягчить, чтобы оно наполнилось любовью. А для этого надо обязательно творить добро.

Постоянно надо ставить себя перед Богом. Что бы ты ни затеял, что бы ни задумал, все должно быть во славу Божию.

Чем больше мы умеем прощать, тем больше мы способны на любовь. Чем больше мы способны на любовь, тем, значит, мы ближе к Богу. Все очень просто.

Вера — дар Божий, но ее можно возгревать, потому что вера есть еще и добродетель — от слова «делать». Если все время совершать дела веры, она будет расти.

По милости Божией, мы уверовали и познали, что Иисус Христос есть Сын Божий. И нам нужно свою жизнь управлять так, чтобы ничем не препятствовать Богу действовать среди нас.

Если человек не верит, значит, сердце его жестко, оно не воспринимает истины. Бог есть любовь, поэтому вера возможна только в том случае, если человек может Бога любить.

Господь может очистить, может помочь и с молитвой, и помочь освободиться от каких-то страстей, лишь бы человек воистину хотел не устроиться здесь, на земле, подольше, побезопасней и получше, а воистину хотел бы достичь Бога.

Всякую гордость, самомнение, превозношение нужно обязательно из своей жизни извять, потому что Бог гордым противится и только смиренным дает благодать. Если мы этого самого главного закона духовной жизни не поймем, то наша жизнь пройдет впустую.

Каждый день, прожитый нами в этом мире: в нашей семье, на работе, в храме, на улице,— может превратиться в шаг навстречу Богу.

Бог есть огонь. Если этот огонь разгорится в нашем сердце, он пойдет и дальше. Но если он в нашем сердце потухнет, тогда и мир весь потухнет, он уже не сможет существовать. Это зависит от нас, от православных христиан.

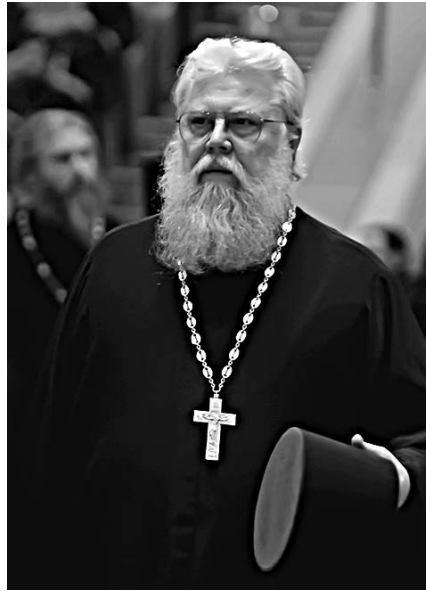
У нас обычно как? Крик, скандал, а чуть звонок в дверь — всё, успокоились: «А, здравствуйте, Пелагея Захаровна». То есть Пелагеи Захаровны устыдились, а Бога не стыдимся. Бог подождет, Он простит, Бога не стыдно — людей стыдно.

Каждая заповедь дана для спасения.

Господь заповедал: «Вынь прежде бревно из твоего глаза». А бревно трудно вынимать, оно большое, и, пока будешь его вынимать — а на это уйдут годы твоей жизни, — ты настолько натренируешься, что у другого в глазу соринку сможешь вынуть очень легко. Но обязательно нужно начинать с себя.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ АЛЕКСАНДРЕ ФЕДОРОВЕ

6 октября после тяжелой продолжительной болезни отошел ко Господу протоиерей Александр Федоров. Отпевание состоялось 8 октября в Благовещенском храме

ПРОТОИЕРЕИ АЛЕКСАНДР ШЕСТАК

Когда к нам в Синодальный отдел по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными органами пришел высокий, красивый, широкий в плечах священник — представитель Украинской Православной Церкви, все сотрудники обрадовались, что отец Александр Федоров теперь станет заведующим сектором по взаимодействию с Военно-морским флотом. А услышав за Божественной литургией его певучий мощный голос, убедились окончательно, насколько удачным было решение председателя отдела отца Димитрия Смирнова пригласить его окормлять военных моряков.

Пятерым сотрудникам отдела, в том числе отцу Александру и мне, ушедшим в отставку в звании полковников, Святейший Патриарх Кирилл оказал особую честь: мы были возведены в сан протоиерея.

Отец Александр делился с нами впечатлениями от встреч с руководством флота, рассказывал о трудностях воцерковления военных моряков, особенно старшего офицерского состава. Несколько раз он даже ходил в плавание, но последнее закончилось неудачно. То ли солнце и горячий воздух повлияли, то ли некачественная пища, то ли какой-то вирус, но он потерял сознание, и лишь благодаря оперативным дей-

ствиям командира и бортового врача его жизнь была спасена.

По состоянию здоровья он был освобожден от послушания в Военном отделе, но продолжал служить в Благовещенском храме. Вокруг него образовался круг прихожан, которые привязались к нему как к духовному наставнику. Свои проповеди он говорил проникновенно, словно сам исповедовался. Еженедельно служил молебны об исцелении от недуга пьянства и других греховных страстей.

К сожалению, болезни не оставляли отца Александра. В течение недели ему сделали восемь полосных операций, и мне дважды удалось его исповедовать. Господь милостив, он выздоровел и еще несколько лет служил в храме и нес данное ему послушание.

Но болезнь опять настигла его. Около двух лет с помощью врачей и, конечно же, молитв братии и духовных чад отец Александр пытался противостоять тяжкому недугу. Недели за три до его кончины мне удалось его пособоровать и причастить. Я попросил его помолиться о нас, когда Господь примет его в Свои обители, но он со смирением сказал, что вряд ли этого достоин. Он понимал, что находится «близ, при дверях», сказал, какой подрясник на него надеть...

Господи, прости вольные и невольные прегрешения протоиерея Александра и даруй ему Царствие Небесное.

Батюшка сразу выделялся из толпы: высокий, светлый, красивый.

Не знаю, какие были отношения у него с духовными чадами или просто со знакомыми при-

хожанами, но кажется, что ко всем он относился с заботой и вниманием. Тепло его души я ощущала на себе во время исповеди и простого общения. Батюшка мог по-отечески приобнять за плечи, но мог и строго сделать замечание, по делу естественно.

Часто я приходила на акафист святителю Николаю, который пели нараспев под руководством отца Александра. Иногда он давал тон (знаю, что какое-то время батюшка был регентом). И так мне было уютно во время этой теплой совместной молитвы. Иногда было ощущение, что святитель Николай появится в клубах кадильного дыма. Не хватает этих молебнов.

Я не была духовным его чадом, но батюшка мне очень нравился. Так хотелось его увидеть снова в церкви, подойти и обнять, но Господь рассудил по-другому.

Царство Небесное нашему дорогому батюшке.

ИНФОРМАЦИЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ

В октябрьском номере «Календаря» мы просили помолиться о тяжело болящем Славе, бывшем воспитаннике детского дома «Павлин». А 25 октября Алексей Бурдаков, в семье которого Слава теперь живет, опубликовал обращение на приходском сайте:

«Дорогие друзья!

В начале сентября в нашей семье произошла беда: у Святослава, которому всего 16 лет, случился

обширный инсульт. Как гром среди ясного неба: парень впадает в кому и перестает дышать еще до приезда «скорой». Потом сложнейшая операция, длившаяся всю ночь, почти две недели комы, ИВЛ, тягостные ожидания, проснется Слава или нет.

Сейчас он в тяжелом состоянии и очень нуждается в курсе реабилитации, который стоит 483 000 рублей. Нам осталось собрать из этой суммы 350 000. Срочность сбора заключается в том, что ребенок больше не может находиться в больнице, так как послеоперационное лечение закончилось. Мы будем очень благодарны всем, кто сможет помочь Славе как в оплате курса реабилитации, так и репостом.

К сожалению, это не первое тяжелое испытание в жизни Славы: он сирота, рано лишился родителей, жил в детском доме, после чего пришел в нашу семью. Сейчас наш мальчик все еще в отделении нейрохирургии. Он плохо ест (получает еду через зонд), очень сильно потерял в весе, дышит через трахеостому. Ребенок в сознании и понимает, что с ним происходит. При этом он остается лежачим, у него почти полностью парализована левая сторона тела, не держит голову.

Первые три месяца считаются самыми благоприятными для максимально возможного восстановле-

ния утраченных функций организма. Лечебные ресурсы больницы исчерпаны, и ребенку необходима реабилитация. Из-за его тяжелого состояния выбор реабилитационных центров очень ограничен: на настоящий момент их всего два. Научно-исследовательский институт неотложной детской хирургии и травматологии собирается взять нас 30 ноября, но до этого ребенок потеряет целый месяц, за который можно сделать очень многое. К примеру, научиться есть без помощи зонда, держать голову, частично восстановить функции левых конечностей. Реабилитационный центр, который готов его взять, платный. Двадцать один день пребывания в нем стоит 483 000 рублей.

Огромное спасибо всем неравнодушным людям, откликнувшимся на нашу беду!»

А вечером того же дня Алексей написал:

«Дорогие друзья!

Случилось чудо!

Менее чем за сутки вы подарили Славке надежду на восстановление!

Моя семья очень благодарна каждому, кто откликнулся сердцем и помог нашему мальчику в ближайшее время начать проходить курс реабилитации.

Невозможно выразить словами чувства нашей благодарности.

В ближайшее время, после оплаты курса реабилитации, я опубликую отчет о направлении собранных средств.

В очередной раз мы убедились, как Бог проявляет Свою любовь к нам, посылая таких замечательных людей!

Мы закрываем сбор.

Мы желаем каждому из вас здоровья, тепла, мира и благополучия.

Нам предстоит еще нелегкий путь к восстановлению, но благодаря вам мы верим, что справимся.

Пусть у вас все будет хорошо».

*Поминайте наставников ваших,
которые проповедовали вам
слово Божие.
(Евр. 13, 7)*

ПОЗДРАВЛЯЕМ

❖
отца Александра Березовского
*с днем Ангела 6 декабря,
на блгв. вел. кн. Александра Невского*

❖
отца Андрея Спиридонова
*с днем Ангела 13 декабря,
на ап. Андрея Первозванного*

ПОЗДРАВЛЯЕМ НАШИХ ЮБИЛЯРОВ

❖
Надежду Валентиновну Фролову
(4 декабря)

❖
Надежду Николаевну Полякову
(12 декабря)

❖
Виктора Алексеевича Деева
(27 декабря)

При Благовещенском храме действует **группа дневного пребывания** для детей 2–7-ми лет. Режим работы с 9.00 до 19.00. Уютная домашняя обстановка, профессиональный присмотр, развивающие занятия и игры, обед и прогулка в парке при храме. Отличный педагогический состав, добрые воспитатели с педагогическим образованием, индивидуальный подход. Тел. +7-903-740-50-50, Нина.

Приходская театральная студия ПЕТРОВСКИЙ ПАРК

объявляет набор. В программе: обучение актерскому мастерству и участие в спектаклях. Занятия/репетиции проходят два раза в неделю. Приглашается молодежь до 40 лет. Перед поступлением в студию нужно пройти собеседование. Подробности по телефону: +7-963-770-93-45 (Мара Георгиевна). Также смотрите информацию в группе: vk.com/theatre_petrovpark и на сайте www.petrovpark.ru.

Танцтеатр СПЕКТР

открывает дополнительный набор: малыши 3-4 лет – в подготовительное отделение хореографии; дети с 5 лет, подростки и взрослые любители – в основной состав танцтеатра с участием в балете-спектакле. Подробности и запись по телефону +7-916-462-06-87.

Наши прихожане оказывают помощь **в покупке-продаже квартир**, разъездах, оформлении бумаг, гарантировании сделок. Тел. +7-916-570-47-35, +7-916-480-37-17.

ПРИХОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА открылась в трапезном корпусе Митрофаниевского храма, на втором этаже. Библиотека работает по вторникам и средам с 10 до 17 часов. Посещение в другие дни и часы возможно по личной договоренности с библиотекарем (звонить в рабочие часы библиотеки по тел.: +7-495-611-40-74). Для записи иметь при себе паспорт.

Дорогие друзья!
Объявляется набор в кружок **ПЛЕТЕНИЯ КРУЖЕВА** на коклюшках для детей и взрослых. Занятия будут проходить по субботам в Доме причта (галерея «Андрей Рублев») в дневное время. Педагог – Ольга Сергеевна Матюнина, выпускница художественного училища при МГХПА им. С.Г. Строганова. Записаться во взрослую или детскую группу можно по телефону: +7-909-677-07-96.

Студия ТАНЕЦ ВЕСНЫ уже 13 лет обучает желающих историческим бальным танцам. Занятия проходят на территории Благовещенского храма в зале Православного просветительского центра по пятницам с 19.30. Приглашаем новичков (возраст с 16 лет). Задать вопросы и записаться в группу можно по телефону +7-926-530-52-63, Наталья, или по электронной почте info@vesnadance.ru. Подробности на https://vk.com/vesnadance_ru.

КАНОН – православное агентство недвижимости. Честная помощь в покупке/продаже/аренде недвижимости. Бесплатная консультация. ankanon.ru. Тел. +7-985-367-76-67.

На нашем приходе действуют **ЕВАНГЕЛЬСКИЕ КРУЖКИ**. По четвергам с 19.00 в доме причта при храме святителя Митрофана Воронежского – для молодежи (до 40 лет). По воскресеньям с 13.00 при храме Благовещения Пресвятой Богородицы – для всех желающих. Подробности по телефону: +7-963-770-93-46 (дьякон Яков) и на сайте www.petrovpark.ru.

13 декабря в 15.00 в Православно-просветительском центре состоится вечер **АНДРЕЕВСКИЙ КРЕСТ** памяти священномученика Серафима (Чичагова) и всех новомучеников и исповедников Церкви Русской. Основная тема: **ПРОТОИЕРЕЙ ДИМИТРИЙ СМИРНОВ – МУЧЕНИКОЛЮБЕЦ.**

Приходской проект **СЕМЕЙНЫЕ ВСТРЕЧИ В ОТЧЕМ ДОМЕ** совместно со школой бального танца «Душа» приглашают на танцевальные занятия! Каждое ВОСКРЕСЕНЬЕ: 14.00–15.00 мастер-классы к Семейному балу (для родителей и детей с 4-х лет) **БЕСПЛАТНО!** 15.00–17.00 Бальный танец для молодежи и взрослых. Подробности и запись в группы у педагога +7-985-418-31-60, Анна.

Дипломированный специалист, наша прихожанка, проводит для детей всех возрастов **массаж**, в том числе грудничковый, общеоздоровительный, лечебный, логопедический, а также занятия на фитболе. Тел. +7-926-267-70-93, Полина.

Приходскому Сестричеству во имя преподобномученицы Елисаветы очень нужны **волонтеры**, чтобы сопровождать больных на обследования в больницу имени С.И. Спасокукоцкого. Возможна занятость от одного до четырех раз в месяц, по два часа. Телефон +7-926-304-03-80, Наталья.

В связи с эпидемиологической обстановкой работа кружков может быть временно приостановлена.

РАСПИСАНИЕ БОГОСЛУЖЕНИЙ

ХРАМ
СВЯТИТЕЛЯ МИТРОФАНА
ВОРОНЕЖСКОГО

ХРАМ
БЛАГОВЕЩЕНИЯ
ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

ДЕКАБРЬ

ВТ 1	Мч. Платона (302 или 306). Мчч. Романа диакона и отрока Варула (303) Мчч. Закхея, диакона Гадаринского, и Алфея, тещи Кесарийского (303). Собор святых Эстонской земли Св. Николая <i>Виноградова</i> исп., пресвитера (1948)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Федор К. <i>д. Феодосий</i>	8 ⁰⁰ (С)	о. Николай <i>о. Андрей С.*</i>
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Дмитрий Н.	17 ⁰⁰ (Ц)	о. Илья
СР 2	Прор. Авдия (из 12-ти) (IX в. до Р.Х.). Мч. Варлаама (ок. 304). Прпп. Варлаама и Иоасафа, царевича Индийского, и отца его Авенира царя (IV). Свт. Филарета, митр. Московского (1867) Прп. Варлаама, игумена Печерского, в Ближних пещерах (1065). Обрѣтение мощей прмч. Адриана Пошехонского, Ярославского (1626). Мчч. Азы и с ним 150-ти воинов (284–305). Мч. Илиодора (ок. 273). Прп. Илариона Грузина, чудотворца (ок. 875) (Груз.). Прп. Порфирия Кавсокаливита (1991) Сщмч. Иоанна <i>Вишневого</i> пресвитера (1920). Сщмчч. Порфирия, еп. Симферопольского, Иоасафа, еп. Чистопольского, Сергия <i>Махаева</i> , Михаила <i>Дмитрева</i> , Александра <i>Мишутина</i> , Иоанна <i>Малиновского</i> , Константина <i>Михайловского</i> , Александра <i>Сереброва</i> , Игнатия <i>Теслина</i> , Иоанна <i>Пирамидина</i> , Симеона <i>Кривошеева</i> , Иоанна <i>Флоровского</i> , Иакова <i>Бриллиантова</i> , Дмитрия <i>Куклина</i> , Иакова <i>Передерия</i> пресвитеров, прмчч. Иоасафа <i>Крымзина</i> , Геннадия <i>Ребезы</i> , Петра <i>Мамонтова</i> , Герасима <i>Сухова</i> , Михаила <i>Кванина</i> , мчч. Валентина <i>Корниенко</i> , Петра <i>Антонова</i> , Леонида <i>Салькова</i> и Тимофея <i>Кучерова</i> (1937) Иконы Божией Матери, именуемой «В скорбех и печалех Утешение» (1863)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	<i>о. Дмитрий Н.</i>	8 ⁰⁰ (Ц)	о. Илья <i>о. Андрей С.</i>
		Всенощное бдение Исповедь	17 ⁰⁰	о. Федор Л. <i>(все)</i>		
		Вечерняя Утреня				17 ⁰⁰ (С)
ЧТ 3	Предпразднство Введения во храм Пресвятой Богородицы. Прп. Григория Декаполита (ок. 842). Свт. Прокла, архиеп. Константинопольского (446–447) Прп. Диодора Юрьегорского (1633). Мч. Дасия (284–305). Мчч. Евстафия, Феспесия и Анатолия (312). Сщмчч. Нирсы епископа и Иосифа, ученика его, Иоанна, Саверия, Исакия и Ипатия, епископов Персидских; мчч. Азата скопца, Сасония, Феклы, Анны и иных многих мужей и жен, в Персиде пострадавших (343) Сщмчч. Алексия <i>Аманова</i> , Александра <i>Сахарова</i> , Владимира Медведюка {М}, Иоанна <i>Заболотного</i> , Алексия <i>Никатова</i> , Василия <i>Канделяброва</i> , Николая <i>Зеленова</i> , Иоанна <i>Сарва</i> , Емилиана <i>Панасевича</i> , Николая <i>Покровского</i> пресвитеров, прмчч. Арсения <i>Дмитриева</i> , Евтихия <i>Качура</i> и Илариона <i>Писарца</i> , прмч. Иоанникии <i>Кожевниковой</i> игумении (1937); прмч. Татианы <i>Фомичевой</i> (после 1937)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Федор Л. <i>(все)</i>	8 ⁰⁰ (С)	о. Владимир Л.
		Всенощное бдение Исповедь	17 ⁰⁰	о. Анатолий о. Дмитрий Н. о. Михаил <i>д. Яков</i>	15 ³⁰ (В)	о. Илья <i>о. Александр Б.</i>
					17 ⁰⁰ (Ц)	о. Федор Л. <i>(все)</i>
ПТ 4	Введение (Вход) во храм Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии <i>На трапезе разрешается рыба</i>	Исповедь Божественная литургия	7 ⁰⁰ (Ел)	<i>о. Дмитрий Н.</i>	7 ⁰⁰ (В)	о. Илья о. Александр Б.
		Исповедь Часы	9 ⁰⁰	о. Анатолий о. Михаил	9 ⁰⁰ (Ц)	о. Федор Л. <i>о. Александр Т.</i> <i>(все)</i>
		Божественная литургия	9 ³⁰		10 ⁰⁰ (Ц)	
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Филипп	17 ⁰⁰ (Ю)	о. Александр Б.

сб 5	<p>Попразднство Введения. Апп. от 70-ти Филимона и Архиппа и мц. равноап. Аппии (I). Блгв. кн. Михаила Тверского (1318) Блгв. Ярополка, во Святом Крещении Петра, кн. Владимиро-Волынского (1086). Мц. Кикилии (Цецилии) и мчч. Валериана, Тивуртия и Максима (ок. 230). Мч. Прокопия чтеца (303). Мч. Менигна (250). Прп. Агаввы исмаильянина (V). Прав. Михаила воина, болгарина (866)</p> <p>Щмчч. Владимира <i>Рясенского</i> пресвитера (1932); щмчч. Иоасафа, еп. Могилевского, Иоанна <i>Баранова</i>, Василия <i>Бовы</i>, Павла <i>Евдокимова</i>, Иакова <i>Соколова</i>, Феодора <i>Гусева</i>, Иоанна <i>Смирнова</i>, Илии <i>Громогласова</i>, Алексия <i>Бенеманского</i>, Афанасия <i>Милова</i> пресвитеров, прмчч. Герасима <i>Мочалова</i>, Евтихия <i>Диденко</i>, Авенира <i>Синицына</i>, Саввы <i>Суслова</i>, Марка <i>Махрова</i> и мч. Бориса <i>Козлова</i> (1937); прп. Параскевы <i>Матиешиной</i> исп. (1953)</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Филипп <i>крестины</i> о. Дмитрий Н.	8 ⁰⁰ (Ю)	о. Александр Б. <i>крестины</i> о. Андрей С.	
		Всенощное бдение Исповедь	17 ⁰⁰	о. Федор Л. о. Михаил о. Анатолий о. Дмитрий Н. о. Андрей Щ.	15 ³⁰ (В)	о. Николай	17 ⁰⁰ (Ц)
вс 6	<p>Неделя 26-я по Пятидесятнице. Глас 1-й</p> <p>Свт. Амфилохия, еп. Иконийского (после 394). Свт. Григория, еп. Акрагантского (VI–VII). Блгв. вел. кн. Александра Невского, в схиме Алексия (1263) {Б}. Свт. Митрофана, в схиме Макария, еп. Воронежского (1703) {М}</p> <p>Мчч. Сисиния, еп. Кизического (III), и Феодора Антиохийского (IV). Прп. Колумбана, игумена Люксейского (615)</p> <p>Прмч. Серафима <i>Тьевара</i> (1931); св. Иоанна <i>Васильева</i> исп. (1932); щмч. Елеазара <i>Спиридонова</i> пресвитера и мч. Александра <i>Укусова</i> (1937)</p>	Исповедь Божественная литургия			6 ⁴⁵ (Ю)	о. Андрей С. о. Филипп	
		Исповедь Часы	8 ⁰⁰	<i>молебен</i> о. Дмитрий Н.	9 ⁰⁰ (Ц)	<i>молебен</i> о. Александр Т.	
		Божественная литургия	9 ³⁰	о. Федор Л. о. Михаил о. Анатолий о. Андрей Щ.	10 ⁰⁰ (Ц)	о. Александр Б.	
		Всенощное бдение Исповедь	17 ⁰⁰	о. Михаил	17 ⁰⁰ (Ц)	о. Николай	
		Молебен свт. Митрофану	18 ³⁰	о. Михаил			
пн 7	<p>Седмица 27-я по Пятидесятнице. Вмч. Меркурия (III). Вмц. Екатерины (305–313). Мч. Меркурия Смоленского (1238–1239)</p> <p>Прп. Меркурия, постника Печерского, в Дальних пещерах (XIV). Мц. Августы, мчч. Порфирия Стратилата и 200 воинов (305–313). Прп. Матридии. Прп. Симона Сойгинского (1562)</p> <p>Щмчч. Евграфа <i>Еварестова</i> пресвитера (1919); щмчч. Евгения <i>Яковлева</i> и Михаила <i>Богородицкого</i> пресвитеров (1937); щмчч. Александра <i>Левицкого</i>, Алексия <i>Тютюнова</i>, Иоанна <i>Никольского</i>, Корнилия <i>Удиловича</i> и Митрофана <i>Корницкого</i> пресвитеров (1937)</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Михаил о. Анатолий	8 ⁰⁰ (Ц)	о. Николай о. Александр Б.	
		Вечерня Утреня	17 ⁰⁰	о. Федор К.	17 ⁰⁰ (С)	о. Андрей С.	
вт 8	<p>Отдание праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы. Щмчч. Климента, папы Римского (101), и Петра, архиеп. Александрийского (311)</p> <p>Прп. Петра молчальника (ок. 429)</p> <p>Прмц. Магдалины <i>Забелиной</i> (1931); щмчч. Серафима, архиеп. Смоленского, Григория <i>Воинова</i>, Иоанна <i>Владимирского</i>, Василия <i>Парийского</i>, Космы <i>Коротких</i>, Иоанна <i>Тарасова</i>, Симеона <i>Афонькина</i>, Илариона <i>Соловьева</i>, Ярослава <i>Савицкого</i>, Александра <i>Вершинского</i>, Иоанна <i>Янушева</i>, Виктора <i>Смирнова</i>, Андрея <i>Шершнев</i>, Варлаама <i>Попова</i> пресвитеров и мч. Павла <i>Кузюкова</i> (1937); мч. Николая <i>Копнинского</i> (1938)</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Федор К. д. <i>Феодосий</i>	8 ⁰⁰ (С)	о. Андрей С.	
		Вечерня Утреня	17 ⁰⁰	о. Дмитрий Н.	17 ⁰⁰ (С)	о. Илья	
ср 9	<p>Прп. Алипия столпника (640). Освящение церкви вмч. Георгия в Киеве (1051–1054). Свт. Иннокентия, еп. Иркутского (1731)</p> <p>Прп. Иакова отшельника (457). Прп. Стилиана Пафлагонского (V–VI)</p> <p>Щмчч. Николая <i>Замараева</i>, Иоанна <i>Виноградова</i>, Георгия <i>Колоколова</i>, Назария <i>Грибкова</i>, Василия <i>Агафониюва</i>, Василия <i>Колосова</i>, Илии <i>Зачатейского</i>, Василия <i>Студницына</i>, Даниила <i>Мещанинова</i>, Михаила <i>Зеленцовского</i> пресвитеров, прмч. Тихона <i>Бузова</i> (1937); мч. Петра <i>Царапкина</i> (после 1937)</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Дмитрий Н.	8 ⁰⁰ (С)	о. Илья о. Александр Б.*	
		Вечерня Утреня	17 ⁰⁰	о. Андрей Щ. д. Яков	17 ⁰⁰ (Ю)	о. Владимир Л.	

чт 10	<p>Иконы Божией Матери, именуемой «Зна́мение» {Б}. Знаме- ние Пресвятой Богородицы, бывшее в Новгороде Великом в 1170 году. Вмч. Иакова Пёрсянина (421). Прп. Палладия (VI– VII). Свт. Иакова, еп. Ростовского (1392). Обрѣтение мощей блгв. кн. Новгородского Всеволода, во Святом Крещении Гавриил- ла, Псковского, чудотворца (1192). Блж. Андрея Симбирского (1841). Собор новомучеников и исповедников Радонежских {М} Прмчч. монахов 17-ти в Индии (IV). Прп. Романа (V) Сщмчч. Николая, архиеп. Владимирского, Василия <i>Соколова</i>, Бориса <i>Ивановского</i>, Феодора <i>Дорофеева</i>, Николая <i>Андреева</i>, Алексия <i>Сперанского</i>, Иоанна <i>Глазкова</i>, Сергия <i>Аманова</i>, Иоан- на <i>Хрусталева</i>, Сергия <i>Бредникова</i>, Николая <i>Покровского</i>, Ди- митрия <i>Беляева</i>, Владимира <i>Смирнова</i>, Иоанна <i>Смирнова</i> пре- свитеров, прмчч. Иоасафа <i>Боева</i>, Кронида <i>Любимова</i>, Николая <i>Салтыкова</i>, Ксенофонта <i>Бондаренко</i>, Алексия <i>Гаврина</i>, Аполло- са <i>Федосеева</i>, Серафима <i>Крестьянинова</i>, Никона <i>Беляева</i> и мч. Иоанна <i>Емельянова</i> (1937) Икон Божией Матери «Зна́мение»: Курской-Коренной (1295), Абалакской (1637), Царскосельской, Серафимо-Понетаевской (1879), Верхнетагильской (1753) и именуемой «Корчемная» (XVIII)</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Андрей Щ. <i>д. Яков</i>	8 ⁰⁰ (Ю)	о. Владимир Л. <i>о. Филипп</i>
		Вечерня Утрени	17 ⁰⁰	о. Филипп	17 ⁰⁰ (Ю)	о. Александр Т.
пт 11	<p>Прмч. и исп. Стефана Нового (767) {М}. Мч. Иринарха и святых семи жен (303) Свт. Феодора, архиеп. Ростовского (1394). Мчч. Стефана, Васи- лия, Григория, другого Григория, Иоанна и иных многих (VIII) Сщмч. митр. Серафима Чичагова (1937) {Б}. Сщмчч. Алексия <i>Веселовского</i>, Алексия <i>Смирнова</i>, Василия <i>Завгороднего</i> пре- свитеров, прмчч. Рафаила <i>Тюпина</i>, Викентия <i>Никольского</i> и мч. Анисии <i>Маслановой</i> (1937); мч. Параскевы <i>Федоровой</i> (1938); сщмч. Николая <i>Крылова</i> пресвитера (1941). Обрѣтение мощей прп. Сергия <i>Сребрянского</i>, исп. (2000)</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Филипп	8 ⁰⁰ (Ю)	о. Александр Т.
		Вечерня Утрени	17 ⁰⁰	о. Анатолий	17 ⁰⁰ (Ю)	о. Александр Б.
сб 12	<p>Мч. Парамона и с ним 370-ти мучеников (250). Мч. Филумена (ок. 274). Прп. Акакия Синайского (VI) Прп. Нектария Печерского, в Ближних пещерах (XII). Сщмч. Са- турнина, первого еп. Тулузского (III). Сщмч. Авива, еп. Некрес- ского (VI) (Груз.). Свт. Мардария (1935) (Серб.) Сщмч. Сергия <i>Кочурова</i> пресвитера (1941)</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Анатолий <i>крестины</i> о. Михаил	8 ⁰⁰ (Ю)	о. Александр Б. <i>крестины</i> о. Александр Т.
		Всенощное бдение Исповедь	17 ⁰⁰	о. Анатолий о. Дмитрий Н. о. Михаил	15 ³⁰ (В)	о. Николай о. Филипп <i>д. Виктор</i>
					17 ⁰⁰ (Ц)	о. Федор Л. <i>(все)</i>
вс 13	<p>Неделя 27-я по Пятидесятнице. Глас 2-й Апостола Андрея Первозванного (ок. 62) Свт. Фрументия, архиеп. Индийского (Ефиопского) (ок. 380) Сщмч. Иоанна <i>Честнова</i> пресвитера (1937)</p>	Исповедь Божественная литургия	7 ⁰⁰ (Ел)	о. Андрей Щ.	6 ⁴⁵ (Ю)	о. Александр Т. о. Александр Б.
		Исповедь Часы	8 ³⁰	<i>молебен</i> о. Михаил	9 ⁰⁰ (Ц)	<i>молебен</i> о. Андрей С.
		Божественная литургия	9 ³⁰	о. Анатолий о. Дмитрий Н.	10 ⁰⁰ (Ц)	о. Федор Л. <i>(все)</i>
		Вечерня Утрени	17 ⁰⁰	о. Михаил	17 ⁰⁰ (С)	о. Николай
		Молебен свт. Митрофану	18 ³⁰	о. Михаил		
пн 14	<p>Седмица 28-я по Пятидесятнице. Прор. Наума (VII в. до Р. Х.) Прав. Филарета Милостивого (792). Мч. Анании Пёрсянина</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Михаил	8 ⁰⁰ (С)	о. Николай
		Вечерня Утрени	17 ⁰⁰	о. Федор К.	17 ⁰⁰ (С)	о. Андрей С.

вт 15	<p>Прор. Аввакума (VII в. до Р.Х.)</p> <p>Прп. Афанасия, затворника Печерского, в Ближних пещерах (ок. 1176), и другого Афанасия, затворника Печерского, в Дальних пещерах (XIII). Мц. Миропии (ок. 251). Прпп. Иоанна, Ираклемона, Андрея и Феофила (IV). Прп. Исе (Иессея), еп. Цилканского (VI) (Груз.). Св. Стефана Уроша, царя Сербского (1367)</p> <p>Сщмч. Матфея <i>Александрова</i> пресвитера (1921); сщмч. Димитрия <i>Благовещенского</i> пресвитера и прп. Веры <i>Графовой</i> исп. (1932); сщмч. Алексия, архиеп. Великоустюжского, сщмчч. Константина <i>Некрасова</i>, Николая <i>Заболотского</i>, Сергия <i>Кудрявцева</i>, Владимира <i>Проферансова</i>, Иоанна <i>Державина</i>, Феодора <i>Алексинского</i>, Николая <i>Виноградского</i>, Иоанна <i>Днепровского</i>, Николая <i>Сафонова</i>, Павла <i>Понятского</i>, Сергия <i>Фелицына</i> пресвитеров, прмчч. Данакта <i>Калашникова</i>, Космы <i>Магды</i>, прмцц. Маргариты <i>Закачуриной</i>, Тамары <i>Проворкиной</i>, Антонины <i>Степановой</i> и Марии <i>Журавлевой</i>, мц. Матроны <i>Конюховой</i> (1937); прмц. Марии <i>Цейтлин</i> (1938); мч. Бориса <i>Успенского</i> (1942)</p> <p>Иконы Божией Матери, именуемой «Герондисса»</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Федор К. д. <i>Феодосий</i>	8 ⁰⁰ (С)	о. Андрей С.
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Дмитрий Н.	17 ⁰⁰ (С)	о. Филипп
ср 16	<p>Прор. Софонии (635 – 605 г. до Р.Х.). Прп. Саввы Сторожевского, Звенигородского (1407)</p> <p>Прп. Феодула Цареградского (ок. 440). Прп. Иоанна молчальника, бывшего еп. Колонийского (558). Сщмч. Феодора, архиеп. Александрийского (606). Прп. Георгия Черникского (Румын.)</p> <p>Сщмч. Андрея <i>Косовского</i> пресвитера (1920); сщмч. Николая <i>Ершова</i> пресвитера (1937); св. Георгия <i>Седова</i> исп. (1960)</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Дмитрий Н.	8 ⁰⁰ (С)	о. Филипп о. Александр Б.*
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Андрей Щ.	17 ⁰⁰ (Ю)	о. Владимир Л.
чт 17	<p>Мц. Варвары и мц. Иулиании (ок. 306). Прп. Иоанна Дамаскина (ок. 780)</p> <p>Прп. Иоанна, еп. Поливотского (VIII). Свт. Геннадия, архиеп. Новгородского (1505)</p> <p>Сщмчч. Алексия <i>Сабурова</i>, Иоанна <i>Пьянкова</i>, Александра <i>Посохина</i> и Николая <i>Яхонтова</i> пресвитеров, Василия <i>Кашина</i> диакона и с ним 10-ти мучеников (1918); сщмч. Димитрия <i>Неведомского</i> пресвитера, прмц. Анастасии <i>Титовой</i>, мцц. Екатерины <i>Арской</i> и Киры <i>Оболенской</i> (1937)</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Андрей Щ. д. <i>Яков</i>	8 ⁰⁰ (Ю)	о. Владимир Л.
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Илья	17 ⁰⁰ (Ю)	о. Александр Ш.
		Уставное всенощное бдение Божественная литургия			21 ⁰⁰ (Ц)	о. Владимир А. о. Анатолий
пт 18	<p>Прп. Саввы Освященного (532) {Б}</p> <p>Свт. Гурия, архиеп. Казанского (1563). Мч. Анастасия. Прпп. Кариона монаха и сына его Захарии, египтян (IV)</p> <p>Сщмч. Илии <i>Четверухина</i> пресвитера (1932) {М}; прмч. Геннадия <i>Летюка</i> (1941); св. Сергия <i>Правдолюбова</i> исп., пресвитера (1950)</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Илья о. <i>Филипп*</i>	8 ⁰⁰ (Ю)	о. Александр Ш. о. Александр Т.*
		Всенощное бдение Исповедь	17 ⁰⁰	о. Дмитрий Н. о. Михаил	15 ³⁰ (В)	о. Николай о. Александр Б.
					17 ⁰⁰ (Ц)	о. Федор Л. (все)
сб 19	<p>Святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца (ок. 335)</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Дмитрий Н. о. Михаил <i>крестины</i> о. Анатолий	7 ⁰⁰ (В)	о. Николай о. Александр Б. д. Виктор
		Исповедь Часы			9 ⁰⁰ (Ц)	о. Федор Л. (все)
		Божественная литургия			10 ⁰⁰ (Ц)	
		Всенощное бдение Исповедь	17 ⁰⁰	о. Михаил о. Дмитрий Н. о. Анатолий	15 ³⁰ (В)	о. Андрей С. о. Александр Т.
			17 ⁰⁰ (Ц)	о. Федор Л. (все)		

вс 20	Неделя 28-я по Пятидесятнице. Глас 3-й Свт. Амвросия, еп. Медиоланского (397). Прп. Нила Столобёнского (1554). Прп. Антония Сийского (1556) Прп. Иоанна, постника Печерского, в Ближних пещерах (XII). Мч. Афинодора (ок. 304). Прп. Павла Послушливого. Мц. Филофеи (1060) (Румын.) Прмчч. Сергия <i>Гальковского</i> , Андроника <i>Барсукова</i> (1917); сщмч. Антония <i>Полова</i> пресвитера (1918); сщмчч. Сергия <i>Голощапова</i> , Михаила <i>Успенского</i> , Сергия <i>Успенского</i> пресвитеров, Никифора <i>Литвинова</i> диакона, прмчч. Галактиона <i>Урбановича-Новикова</i> и Гурия <i>Самойлова</i> , мч. Иоанна <i>Демидова</i> (1937); сщмчч. Петра <i>Крестова</i> и Василия <i>Мирожина</i> пресвитеров (1941) Селигерской (Владимирской) иконы Божией Матери	Исповедь Божественная литургия	7 ⁰⁰ (Ел)	о. Андрей Щ.	6 ⁴⁵ (Ю)	о. Александр Б. о. Филипп
		Исповедь Часы	8 ³⁰	<i>молебен</i> о. Дмитрий Н.(м)	9 ⁰⁰ (Ц)	<i>молебен</i> о. Николай
		Божественная литургия	9 ³⁰	о. Михаил о. Анатолий	10 ⁰⁰ (Ц)	о. Федор Л. (все)
		Вечерня Утренняя	17 ⁰⁰	о. Михаил	17 ⁰⁰ (С)	о. Николай
		Молебен свт. Митрофану	18 ³⁰	о. Михаил		
пн 21	Седмица 29-я по Пятидесятнице. Прп. Патапия (VII) Прп. Кирилла Челмогорского (1367). Апп. от 70-ти Сосфена, Аполлоса, Кифы, Тихика, Епафродита, Кесаря и Онисифора (I). Мчч. 62-х иереев и 300 мирян, в Африке от ариан пострадавших (477). Мц. Анфисы в Риме (V) Сщмч. Сергия <i>Орлова</i> пресвитера (1937)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Михаил	8 ⁰⁰ (С)	о. Николай
		Вечерня Утренняя	17 ⁰⁰	о. Федор К.	17 ⁰⁰ (С)	о. Андрей С.
вт 22	Зачатие прав. Анною Пресвятой Богородицы Пророчицы Анны, матери прор. Самуила (1100 г. до Р.Х.). Свт. Софрония, архиеп. Кипрского (VI). Прп. Стефана Новосиятеля (912) Сщмч. Владимира <i>Виноградова</i> пресвитера (1919); сщмч. Владимира <i>Джуринского</i> пресвитера и мц. Евфросинии <i>Джуринской</i> (1920); сщмчч. Василия <i>Ягодина</i> и Александра <i>Буравцева</i> пресвитеров (1937) Иконы Божией Матери, именуемой «Нечаянная Радость»	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Федор К.	8 ⁰⁰ (С)	о. Андрей С.
		Вечерня Утренняя	17 ⁰⁰	о. Дмитрий Н. д. <i>Феодосий</i>	17 ⁰⁰ (Ю)	о. Илья
ср 23	Мчч. Мины, Ермогена и Евграфа (ок. 313). Свт. Иоасафа, еп. Белгородского (1754) Мч. Гемелла Пафлагонянина (ок. 361). Прп. Фомы (X). Блжж. Иоанна (1503) и родителей его Стефана (1476) и Ангелины, правителей Сербских Сщмчч. Иакова <i>Шестакова</i> и Александра <i>Шкляева</i> пресвитеров, сщмч. Евграфа <i>Плетнева</i> пресвитера и мч. Михаила <i>Плетнева</i> (1918); сщмчч. Анатолия <i>Правдолюбова</i> , Александра <i>Туберовского</i> , Евгения <i>Харькова</i> , Константина <i>Бажанова</i> , Николая <i>Карасева</i> пресвитеров, и с ними мчч. Петра <i>Гришина</i> , Евсевия <i>Тряхова</i> , Михаила <i>Якунькина</i> , Дорофея <i>Климашева</i> , Лаврентия <i>Когтева</i> , Григория <i>Берденева</i> , мцц. Александры <i>Устюхиной</i> и Татианы <i>Егоровой</i> , сщмч. Михаила <i>Кобозева</i> пресвитера, прмч. Сергия <i>Сорокина</i> (1937); сщмчч. Николая <i>Розова</i> и <i>Алексия Введенского</i> пресвитеров (1938); свв. Анны <i>Ивашкиной</i> и Татианы <i>Бякиревой</i> испп. (1948); св. Феклы <i>Макушевой</i> исп. (1954); прп. Анны <i>Столяровой</i> исп. (1958)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Дмитрий Н.	8 ⁰⁰ (Ю)	о. Илья д. <i>Виктор</i>
		Вечерня Утренняя	17 ⁰⁰	о. Андрей Щ.	17 ⁰⁰ (С)	о. Владимир Л.
чт 24	Прп. Даниила Столпника (493) Прп. Никона Сухого, Печерского, в Ближних пещерах (XII). Мч. Миракса (VII). Мчч. Акеспия и Аифала. Прп. Луки Столпника (ок. 970–980) Сщмч. Феофана, еп. Соликамского, и с ним двух священномучеников и 5-ти мучеников (1918); сщмч. Николая <i>Виноградова</i> пресвитера (1937); сщмч. Иоанна <i>Богоявленского</i> пресвитера (1941)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Андрей Щ.	8 ⁰⁰ (С)	о. Владимир Л.
		Всенощное бдение Исповедь	17 ⁰⁰	о. Анатолий о. Михаил д. <i>Яков</i>	17 ⁰⁰ (Ц)	о. Александр Б. о. Николай

пт 25	Свт. Спиридона, еп. Тримифунтского, чудотворца (ок. 348) Прп. Ферапонта Монзенского (1597). Сщмч. Александра, еп. Иерусалимского (251). Мч. Разумника (Синезия) (270–275)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Анатолий о. Михаил	8 ⁰⁰ (Ц)	о. Александр Б. о. Николай о. Андрей С.
		Вечерня Утренняя	17 ⁰⁰	о. Филипп	17 ⁰⁰ (Ю)	о. Александр Т.
сб 26	Мчч. Евстратия, Авксентия, Евгения, Мардария и Ореста (284–305). Мц. Лукии (304) Прп. Аркадия Новоторжского (XI). Прп. Мардария, затворника Печерского, в Дальних пещерах (XIII). Прп. Арсения (VIII–XI). Свт. Досифея, митр. Молдавского (1693) (Румын.) Сщмч. Александра Юзефовича пресвитера и мч. Иоанна Менкова (1920); сщмчч. Владимира Лозины-Лозинского, Александра Поспелова, Иакова Гусева, Алексея Рождественского, Григория Фаддеева пресвитеров (1937); сщмч. Николая Амасийского пресвитера (1938); сщмчч. Емилиана Киреева, Василия Покровского пресвитеров (1941)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Филипп крестины о. Дмитрий Н.	8 ⁰⁰ (Ю)	о. Александр Т. д. Виктор крестины о. Александр Ш.
		Всенощное бдение Исповедь	17 ⁰⁰	о. Дмитрий Н. о. Михаил о. Анатолий	15 ³⁰ (В)	о. Александр Т. о. Филипп
					17 ⁰⁰ (Ц)	о. Федор Л. (все)
вс 27	Неделя 29-я по Пятидесятнице, святых праотец. Глас 4-й Мчч. Фирса, Левкия и Каллиника (249–251). Мчч. Филимона, Аполлония, Ариана и Феотиха (286–287) Сщмч. Николая Ковалева пресвитера (1937)	Исповедь Божественная литургия	7 ⁰⁰ (Ел)	о. Андрей Щ.	6 ⁴⁵ (Ю)	о. Николай о. Андрей С.
					8 ³⁰ (В)	о. Александр Т. о. Филипп
		Исповедь Часы	8 ³⁰	молебен о. Анатолий	9 ⁰⁰ (Ц)	молебен о. Александр Б.
		Божественная литургия	9 ³⁰	о. Дмитрий Н. о. Михаил	10 ⁰⁰ (Ц)	о. Федор Л. (все)
		Вечерня Утренняя	17 ⁰⁰	о. Михаил	17 ⁰⁰ (Ю)	о. Николай
	Молебен свт. Митрофану	18 ³⁰	о. Михаил			
пн 28	Седмица 30-я по Пятидесятнице. Сщмч. Елевферия, матери его мц. Анфии и мч. Корива епарха (II). Прп. Павла Латрийского (955). Свт. Стефана исп., архиеп. Сурожского (VIII). Собор Крымских святых . Сщмч. Илариона, архиеп. Верейского (1929) Прп. Трифона Печенгского, Кольского (1583). Собор Кольских святых . Мч. Елевферия (305–311). Прп. Парда отшельника (VI) Сщмчч. Александра Рождественского, Василия Виноградова, Викторина Добронравова пресвитеров (1937)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Михаил	8 ⁰⁰ (Ю)	о. Николай
		Вечерня Утренняя	17 ⁰⁰	о. Федор К.	17 ⁰⁰ (С)	о. Андрей С.
вт 29	Прор. Аггея (500 г. до Р. Х.) Прп. Софии Суздальской (1542). Мч. Мари́на (III). Блж. царицы Феофании (893–894) Сщмчч. Владимира Алексеева, Павла Аношкина пресвитеров и Григория Смирнова диакона (1918); сщмчч. Аркадия, еп. Бежецкого, Илии Чередыева, Павла Фаворитова, Феодосия Болдырева, Владимира Дамаскина, Александра Колоколова, Петра Зиновьева пресвитеров, прмч. Макария Смирнова (1937)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Федор К. д. Феодосий	8 ⁰⁰ (С)	о. Андрей С.
		Вечерня Утренняя	17 ⁰⁰	о. Дмитрий Н.	17 ⁰⁰ (С)	о. Филипп
ср 30	Прор. Даниила и трех отроков: Анании, Азарии и Мисаила (600 г. до Р. Х.) Прп. Даниила исп., в схиме Стефана (X) Сщмчч. Александра Савелова, Николая Бельтюкова и Сергия Флоринского пресвитеров (1918); сщмчч. Петра Покровского и Иоанна Земляного пресвитеров (1937)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Дмитрий Н.	8 ⁰⁰ (С)	о. Филипп
		Вечерня Утренняя	17 ⁰⁰	о. Владимир А.	17 ⁰⁰ (Ю)	о. Владимир Л.

чт 31	<p>Мчч. Севастиана и дружины его: Никострата казнохранителя, жены его Зои, Кастория, Транквиллина пресвитера и сынов его Маркеллина и Марка, диаконов, Клавдия, начальника над тюрьмами, сына его Симфориана, брата Викторина, Тивуртия и Кастула (ок. 287)</p> <p>Прп. Севастиана Сохотского, Пошехонского (ок. 1500). Прославление прав. Симеона Верхотурского (1694). Свт. Модеста, архиеп. Иерусалимского (633–634). Прп. Флора, еп. Амийского (VII). Прп. Михаила исп. (ок. 845). Прп. Даниила Пустынника (Румын.)</p> <p>Мч. Виктора <i>Матвеева</i> (1937); сщмч. Фаддея, архиеп. Тверского, Николая, архиеп. Великоустюжского, Илии <i>Бенеманского</i>, Иоанна <i>Миронского</i>, Владимира <i>Преображенского</i> и Николая <i>Кобранова</i> пресвитеров (1937); сщмч. Сергия <i>Астахова</i> диакона и мц. Веры <i>Трукс</i> (1942)</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	<i>о. Владимир А.</i>	8 ⁰⁰ (Ю)	о. Владимир Л.
		Вечерня Утренняя Новогодний молебен	17 ⁰⁰	о. Анатолий	17 ⁰⁰ (Ю)	о. Александр Т.
		Всенощное бдение Божественная литургия			22 ⁰⁰ (Ц)	<i>о. Александр Б.</i> <i>о. Николай</i>

Я Н В А Р Ь

пт 1	<p>Мч. Вонифатия (290) {М}</p> <p>Прп. Илии Муромца, Печерского, в Ближних пещерах (ок. 1188) {Б}. Мчч. Илии, Прова и Ариса, египтян (308). Мчч. Полиевкта и Тимофея диакона (IV). Свт. Вонифатия Милостивого, еп. Ферентийского (VI). Свт. Григория, еп. Омиритского (ок. 552)</p>	Исповедь Божественная литургия Новогодний молебен	8 ⁰⁰	<i>о. Анатолий</i> <i>о. Дмитрий Н.</i>	8 ⁰⁰ (Ю)	<i>о. Александр Т.</i> <i>о. Андрей С.</i>
		Вечерня Утренняя	17 ⁰⁰	о. Дмитрий Н.	17 ⁰⁰ (Ю)	о. Александр Б.
сб 2	<p>Суббота пред Рождеством Христовым. Предпразднство Рождества Христова. Сщмч. Игнатия Богоносца (107). Свт. Антония, архиеп. Воронежского (1846). Прав. Иоанна Кронштадтского (1908)</p> <p>Прп. Игнатия, архим. Печерского, в Дальних пещерах (1435). Свт. Филогония, еп. Антиохийского (ок. 323). Свт. Даниила, архиеп. Сербского (1337–1338)</p> <p>Сщмч. Николая <i>Чернышева</i> пресвитера и мц. Варвары <i>Чернышевой</i> (1919)</p> <p>Новодворской и Леньковской (Новгород-Северской), именуемой «Спасительница утопающих», икон Божией Матери</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Дмитрий Н. <i>крестины</i> <i>о. Филипп</i>	8 ⁰⁰ (Ю)	о. Александр Б. <i>д. Виктор</i> <i>крестины</i> о. Николай
		Всенощное бдение Исповедь	17 ⁰⁰	о. Анатолий о. Михаил о. Дмитрий Н.	15 ³⁰ (В)	о. Николай о. Филипп
					17 ⁰⁰ (Ц)	о. Федор Л. <i>(все)</i>
вс 3	<p>Неделя 30-я по Пятидесятнице, пред Рождеством Христовым, святых отец. Глас 5-й</p> <p>Мц. Иулиании и с нею 500 мужей и 130-ти жен, в Никомидии пострадавших (304). Свт. Петра, митр. Киевского, Московского и всея Руси, чудотворца (1326)</p> <p>Мц. блгв. кн. Иулиании Вяземской (1406). Блж. Прокопия, Христа ради юродивого, Вятского (1627). Свт. Филарета, митр. Киевского (1857). Мч. Фемистоклея (251)</p> <p>Сщмч. Михаила <i>Киселева</i> пресвитера (1918); сщмч. Сергия <i>Цветкова</i> диакона (1937); сщмч. Никиты, еп. Белевского (1938); сщмч. Леонтия <i>Строюка</i> диакона (1940)</p>	Исповедь Божественная литургия	7 ⁰⁰ (Ел)	о. Дмитрий Н.	6 ⁴⁵ (Ю)	о. Александр Б. о. Александр Т.
					8 ³⁰ (В)	<i>о. Николай</i> о. Филипп
		Исповедь Часы	8 ³⁰	<i>молебен</i> о. Михаил <i>о. Анатолий</i>	9 ⁰⁰ (Ц)	<i>молебен</i> о. Андрей С. о. Федор Л. <i>(все)</i>
		Божественная литургия	9 ³⁰		10 ⁰⁰ (Ц)	
		Вечерня Утренняя	17 ⁰⁰	о. Михаил	17 ⁰⁰ (С)	о. Николай
Молебен свт. Митрофану	18 ³⁰	о. Михаил				

В Благовещенском и Митрофаниевском храмах ежедневно дежурит священник или диакон, к которому можно обращаться со своими вопросами и нуждами. Имя дежурного в расписании выделено курсивом. Знаком (*) отмечен дежурный священник, не принимающий участия в службах.

ХРАМ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ. *Служащий о. Борис*

ПТ 25 ДЕКАБРЯ 17⁰⁰ – Вечерня. Утренняя

СБ 26 ДЕКАБРЯ 8³⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия

ХРАМ СЯГОГО МУЧЕНИКА ВОНИФАТИЯ. *Служащие о. Борис, о. Михаил*

ЧТ 3 ДЕКАБРЯ 16⁰⁰ – Всенощное бдение

ПТ 4 ДЕКАБРЯ 8³⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия

ВТ 8 ДЕКАБРЯ 16³⁰ – Молебен с акафистом мч. Вонифатию

СР 9 ДЕКАБРЯ 8³⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия

ВТ 15 ДЕКАБРЯ 16³⁰ – Молебен с акафистом мч. Вонифатию

СР 16 ДЕКАБРЯ 8³⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия

ВТ 22 ДЕКАБРЯ 16³⁰ – Молебен с акафистом мч. Вонифатию

СР 23 ДЕКАБРЯ 8³⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия

ЧТ 31 ДЕКАБРЯ 16⁰⁰ – Всенощное бдение

ПТ 1 ЯНВАРЯ 8³⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия

ХРАМ СЯЩЕННОМУЧЕНИКА ИОАННА АРТОБОЛЕВСКОГО. *Служащий о. Владимир А.*

ЧТ 3 ДЕКАБРЯ 17⁰⁰ – Всенощное бдение

ПТ 4 ДЕКАБРЯ 9⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия

СБ 5 ДЕКАБРЯ 17⁰⁰ – Всенощное бдение

ВС 6 ДЕКАБРЯ 8⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия

СБ 12 ДЕКАБРЯ 17⁰⁰ – Всенощное бдение

ВС 13 ДЕКАБРЯ 8⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия

ПТ 18 ДЕКАБРЯ 17⁰⁰ – Всенощное бдение

СБ 19 ДЕКАБРЯ 9⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия
17⁰⁰ – Всенощное бдение

ВС 20 ДЕКАБРЯ 8⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия

ЧТ 24 ДЕКАБРЯ 17⁰⁰ – Всенощное бдение

ПТ 25 ДЕКАБРЯ 9⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия

СБ 26 ДЕКАБРЯ 17⁰⁰ – Всенощное бдение

ВС 27 ДЕКАБРЯ 8⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия

СБ 2 ЯНВАРЯ 17⁰⁰ – Всенощное бдение

ВС 3 ЯНВАРЯ 8⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия

ЧТ 3 ДЕКАБРЯ	6 ³⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия 17 ⁰⁰ – Всенощное бдение
ПТ 4 ДЕКАБРЯ	8 ⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия 17 ⁰⁰ – Вечерня. Утренняя
СБ 5 ДЕКАБРЯ	8 ⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия 17 ⁰⁰ – Всенощное бдение
ВС 6 ДЕКАБРЯ	8 ³⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия 17 ⁰⁰ – Вечерня. Утренняя
ПН 7 ДЕКАБРЯ	8 ⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия
ЧТ 10 ДЕКАБРЯ	6 ³⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия 18 ⁰⁰ – Молебен свт. Спиридону и прп. Андрею Рублеву
ПТ 11 ДЕКАБРЯ	17 ⁰⁰ – Вечерня. Утренняя
СБ 12 ДЕКАБРЯ	8 ⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия 17 ⁰⁰ – Всенощное бдение
ВС 13 ДЕКАБРЯ	8 ³⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия
ЧТ 17 ДЕКАБРЯ	6 ³⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия 18 ⁰⁰ – Молебен свт. Спиридону и прп. Андрею Рублеву
ПТ 18 ДЕКАБРЯ	17 ⁰⁰ – Всенощное бдение
СБ 19 ДЕКАБРЯ	8 ⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия 17 ⁰⁰ – Всенощное бдение
ВС 20 ДЕКАБРЯ	8 ³⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия
ЧТ 24 ДЕКАБРЯ	6 ³⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия 17 ⁰⁰ – Всенощное бдение
ПТ 25 ДЕКАБРЯ	8 ⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия 17 ⁰⁰ – Вечерня. Утренняя
СБ 26 ДЕКАБРЯ	8 ⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия 17 ⁰⁰ – Всенощное бдение
ВС 27 ДЕКАБРЯ	8 ³⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия
ЧТ 31 ДЕКАБРЯ	6 ³⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия 18 ⁰⁰ – Молебен свт. Спиридону и прп. Андрею Рублеву

Расписание служб в храме ТРОИЦЫ ЖИВОНАЧАЛЬНОЙ В ГОРЕТОВО см. на сайте hram-goretovo.ru

*В расписание богослужений могут вноситься изменения, вызванные болезнью священников
и другими непредвиденными обстоятельствами.*

1 ноября в Православно-просветительском центре состоялся вечер памяти о. Димитрия.

На острие ножа,
Так больно все и остро...
Распахнуты сердца
Тому, чей облик просто
Нам Жизнь являл, Любовь и Веру..
Тому, кто жизнь отдал
Служенью делу
Спасения всех человек, всех,
Кто сердце распахнуть готов Христу.

А мы все не внимали.
Теперь же распахнули мы, теперь...
Ах если б знали,
Что будем чувствовать,
Когда уста его сомкнутся
И вздох последний за нас всех

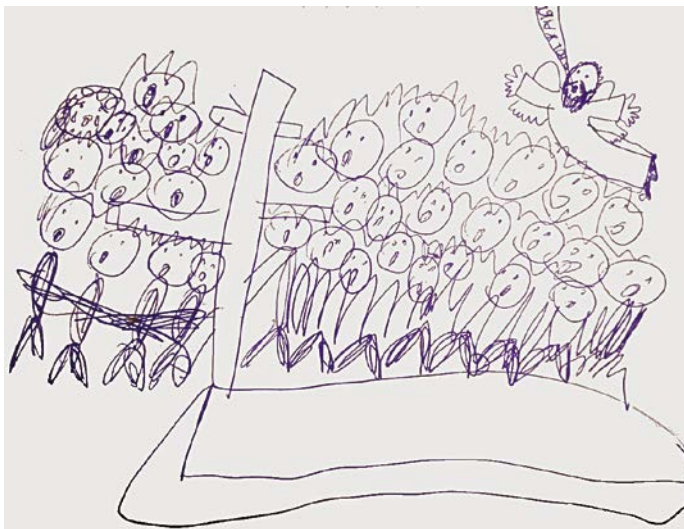
Взметется птицей ввысь,
Души путь предваряя,
А мы останемся стоять у алтаря,
На дивный холм взирая,
Глотая слезы и твердя:
Прости нас, Отче, глупых,
Что столько раз по пустякам
Вопросами терзали,
А главное, что на потребу есть,
Все мимо пропускали.

Но распахнули сердце все ж,
Открылись наши очи.
И за тебя молитву воздаем,
Наш Дивный Честный Отче!

Наталья Усачева

*Рисунок 6-летней Стефаниды
«Похороны отца Димитрия». У могилы поет хор, а батюшка говорит: «Вот же я!»*

5 ноября отмечалось 25-летие Великого освящения храма святителя Митрофана Воронежского и иерейской хиротонии о. Владимира Леонова.

Поздравление о. Владимира

7 ноября.

Димитриевская родительская суббота. На литургии в Благовещенском храме пели ученики Певческой школы, прозвучали

«Херувимская песнь» старинного напева и «Милость Мира» афонского распева. После литургии была совершена панихида, а затем лития на могиле о. Димитрия.

8 ноября духовенство наших храмов участвовало в пастырской викариатской онлайн конференции — региональном этапе Рождественских чтений.

9 ноября о. Борис Орлик назначен настоятелем Патриаршего подворья храма Успения Пресвятой Богородицы в Мышкино.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОДАРОК ОТЦА

Петербург.
Исаакиевский собор

Петергоф

Валаам. Воскресенский скит

Природа Валаама

Петрозаводск. «Полярный Одиссей»

Медвежьегорск. Укрепления Маннергейма

Урочище Сандармох

Повенец.
Беломоро-
Балтийский
канал

Повенец.
Храм
святителя
Николая

Ферапонтово

Вологда. Софийский собор

Кирилло-Белозерский монастырь

